

30 ОПЕРАТИВНАЯ БРИГАДА СЕВЕРНОГО ФЛОТА НА РЕЙДЕ ЛУАНДЫ

ИСТОРИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025

Автор сборника – Бухалин Игорь Геннадиевич

В сборнике использованы материалы главного архива Министерства обороны РФ, главного архива ВМФ, архивов Северного и Балтийского флотов, материалы РОО «Союз ветеранов Анголы», личные фото из архивов Литвинова В. И., Сорина М. Б., Бухалина И. Г., Ремизова С. А., Родионова С. В., Тищенко А. И., Таравкова В. Л., Липского А. Н., Дашевского В. И.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность за помощь в составлении сборника Литвинову В. И., Сорину М.Б, Родионову С. В., Череватому А. А., Липскому А. Н., Таравкову В. Л., Дашевскому В. И.

Подписано в печать 29.01.2025 г.
Заказ № 128. Тираж 50 экз.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики» Минобороны России.
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15.
Тел.: 53-17-05.

© Бухалин И. Г., автор, 2025

Дорогие друзья!

Российский военно-морской флот за более чем 325-летие своего существования внёс немало славных страниц в историю нашей страны. Часть этих страниц проходила под грифом «секретно» и вошла в историю под девизом «Нас там быть не могло!».

Но время прошло, и сейчас мы уже имеем полное право не только открыть завесу тайны, но и рассказать, как всё было на самом деле, а также с честью сказать: «Мы свой долг выполнили!»

В конце 70-х годов прошлого столетия по всему миру прошла волна национально-освободительных движений, результатом которых стало обретение независимости и суверенитета бывших колоний господствующих держав. Особенно это коснулось стран Африки. Практически еще в начале двадцатого столетия 99 процентов стран Африканского континента были чьими-то колониями. История колонизации и порабощения уходит своими корнями в далёкие средние века, когда развитие судостроения и мореплавания позволило наиболее развитым прибрежным государствам, таким как: Великобритания, Испания, Португалия, Франция и Голландия – совершать дальние плавания и нести цивилизацию в те страны, которые ещё жили на уровне первобытнообщинного строя. За блага цивилизации эти страны платили своей свободой и независимостью, а природные богатства этих стран пополняли казну колонизаторов. Не стала исключением и одна из самых богатых природными ресурсами южноафриканская страна – Ангола.

Еще в XIII–XVI вв. часть современной Анголы входила в Королевство Конго со столицей Мбанза-Конго. В XVI–XIX вв. часть территории занимало королевство Лунда. На севере Анголы в XVI–XVII вв. находилось государство Ндонго.

Но в 1482 году на побережье Анголы высадилась экспедиция португальского мореплавателя Диогу Кана и закрепила за собой начало колонизации страны. В 1576 году португальцы закладывают форт Сан-Паулу-ди-Луанда, который впоследствии становится столицей Анголы. До середины XIX века главным занятием португальцев в Анголе является работорговля; по примерным оценкам за 300 лет из страны вывезено (в основном в Бразилию) около 5 млн человек.

На всём протяжении последующих столетий война за право распоряжаться Анголой не прекращалась! За право использования всех ресурсов колонии постоянно воевали португальцы и голландцы. И только в 1894 году Португалия, Бельгия, Германия и Англия заключают соглашение, определившее современные границы Анголы, а в 1951 году Ангола получает статус «заморской провинции» Португалии. Тогда же возникают первые ростки борьбы за свободу и независимость со стороны коренного населения страны. Но только после «революции гвоздик» 1974 года в Португалии начался процесс деколонизации Анголы. Но он не принёс мира в страну, которая долгое время была раздроблена между различными народами и племенами, населявшими эту землю.

Пришедшие в результате выборов к власти партия МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы – Партия труда во главе с президентом Агуштиньо Нето) и созданное ею правительство столкнулись не только с жестким сопротивлением представителей партии УНИТА, но и, как следствие, с гражданской войной и угрозой интервенции со стороны соседних стран, в первую очередь – ЮАР. Тогда первый президент Анголы Агуштиньо Нето обращается за помощью к Советскому Союзу и Кубе. И его просьба не остается без поддержки, которая обеспечила в будущем независимость и суверенитет страны, её окончательное освобождение от иностранного присутствия.

Вот в таких исторических условиях и принималось решение о создании оперативного соединения ВМФ СССР в Анголе.

Необходимость создания такого соединения было продиктовано угрозой со стороны ЮАР и стран НАТО, в первую очередь США, на проведение масштабной военно-морской операции по блокаде побережья и высадки десанта для поддержки антиправительственных группировок внутри страны.

В 1977 году в порту Луанда создаётся 877 пункт материально-технического обеспечения «Маяк».

877 ПУНКТ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ «МАЯК»

Для обеспечения оперативных действий 30-й оперативной бригады в Атлантике было создано несколько ПМТО, в частности в Гвинее (Конакри) и в Луанде. В середине 80-х годов XX в. бывший начальник штаба бригады капитан II ранга Александр Кибкало рассказывает: «Нашей зоной ответственности были Центральная и Южная Атлантика. Там располагались основные маршруты океанских перевозок из стран Индийского океана и африканских стран в Европу, Северную и Южную Америку. Здесь же находились и богатейшие районы рыболовства. Для кратковременного отдыха, пополнения запасов и проведения ремонтных работ корабли нашего соединения заходили в порт Луанда. Швартовались у стенки военно-морской базы. Обычно у пирса в Луанде стояли один-два БДК или БПК, плавмастерская (ПМ), танкер, вспомогательные суда. Остальные в это время выполняли свои задачи в океане, либо находились на другой опорной базе бригады – в порту гвинейского Конакри».

877-й ПМТО Северного флота в порту Луанда был сформирован в 1977 г. по согласованию с правительством Народно-й Республики Ангола. В его состав вошли управление пункта, узел дальней космической связи, группа обеспечения полетов, топливные склады и подразделения тыла. В задачи пун-

кта входило не только снабжение материальными средствами, но и ремонт кораблей и судов 30-й бригады, а также кораблей советского ВМФ, заходящих в порт Луанда. Кроме этого, пункт занимался обеспечением полетов дальних самолетов-разведчиков Ту-95РЦ, транспортно-десантных самолетов ВВС флота, а в отдельных случаях и правительственных бортов. ПМТО в Луанде подчинялся командующему Северным флотом, а его командир являлся старшим морским начальником в порту Луанда. Для развертывания 877-й ПМТО СФ (в/ч 56127) ангольское правительство выделило места швартовки советских кораблей и судов, склады для хранения запасов материальных средств на базе ВМС в Луанде, размещённой на песчаной косе Ilha de Luanda, несколько помещений для летного и технического состава, места для стоянки и ремонта автотехники на базе ВВС, а также жилой городок для размещения личного состава ПМТО и узла связи в пригороде Луанды. Жилая территория ПМТО располагалась в комплексе, который при португальцах принадлежал католической английской школе. Отсюда произошло и название места, широко известное среди советских летчиков и моряков, находившихся в ту пору в Луанде – «Английская школа». Позже из-за соображений секретности решением главного военного советника в Анголе ПМТО дали кодовое внутреннее название «Маяк». Силами личного состава ПМТО бывшую католическую школу в короткий срок превратили в военный городок: территорию обнесли колючей проволокой, вырыли окопы по периметру. Из келий, служивших ранее пристанищем для ребятишек католической школы, оборудовали двухместные комнаты для офицеров, прапорщиков и мичманов; вырыли котлованы для установки емкостей для ГСМ и щели для размещения спецтехники. Матросов разместили в бывших учебных классах, а столовую – в бывшей католической церкви.

В 1978 г. топливной службой ВМФ через ГКЭС был заключен контракт с итальянской фирмой на сумму в 200 тысяч дол-

Офицерский и мичманский состав 877 ПМТО, 1989 г.

ларов на строительство двух подземных складов авиационного керосина для Ту-95РЦ – один в порту Луанды, другой – вблизи аэродрома Луанды. Топливо доставлялось советскими танкерами в Луанду, разгружалось на склад в порту, а оттуда автоцистернами перевозилось на склад близ аэродрома. Для обеспечения продовольствием личного состава ПМТО и экипажей боевых кораблей, как стоящих в Луанде, так и находившихся в море, в портах Санта-Крус и Лас-Пальмас Канарских островов ежемесячно закупалось до 30 т скоропортящихся продуктов.

В январе 1977 г. ПМТО в Луанде принял первые морские дальние самолеты-разведчики Ту-95РЦ. Главный военный советник в Анголе генерал Валерий Беляев свидетельствовал: «На аэродроме в Луанде с 1977 года регулярно совершали посадку советские морские самолеты-разведчики Ту-95РЦ, которые, работая по маршруту Североморск – Гавана – Луанда – Североморск, давали для Генерального штаба ВС СССР полную «картинку» обстановки в Атлантике». В январе 1977 с аэродрома Оленья в Анголу вылетела первая пара Ту-95РЦ 392-го Отдельного дальнеразведывательного авиационного полка (ОДРАП). Самолеты совершили промежуточную посад-

Матросы и старшины 877 ПМТО п. Луанда, 1979 г.

ку в аэропорту Конакри (Гвинея). 29 января они благополучно приземлились в Луанде. 9 февраля наши Ту-95РЦ совершили первый разведывательный вылет в Южную Атлантику, а 15 февраля 1977 г. вернулись назад.

Для выполнения задач по обеспечению сил боевой службы в прибрежной зоне ПМТО ежегодно силами советской плавмастерской (ПМ) обеспечивался ремонт до 5–6 кораблей. В 1977–1990 годы в Луанде работали ПМ из состава Северного и Черноморского флотов.

При ПМТО в Луанде действовала рота (группа) радиосвязи Главного военного советника в Анголе, обеспечивавшая связь (в том числе и ЗАС) между советскими советниками в округах и бригадах. В ее состав входили офицеры, прапорщики и рядовые срочной службы, а именно: радисты, радиотелеграфисты, дизелисты, водители, стрелки-пулеметчики. Как правило, военнослужащих срочной службы в спецкомандировку в Анголу отправляли после года службы в Союзе и приобретения военно-учетной специальности. Комплект ЗАС был подготовлен к уничтожению (по двум сторонам шифровального блока находились заряды тротила и запалы). Подвижные группы связи (радиостанция Р-140 на БТР или БРДМ) размещались в ан-

гольских городах: Луэне, Уиже, Уамбо, Маланже, Менонге, Лубанго, Куито-Куанавале, Куито-Бие, Куэмбо и других пунктах. В случае активизации боевых действий подвижные группы связи передавались непосредственно в бригады, и многим матросам и солдатам срочной службы роты связи пришлось участвовать в боевых действиях. В ходе боевых действий в Анголе погиб рядовой А. Никитенко, а военнослужащие срочной службы В. Папатенко и Е. Козин умерли от малярии (их смерть связана с исполнением обязанностей воинской службы). 877-й ПМТО в Луанде просуществовал до июня 1992 г., когда приказом по СФ был расформирован.

30 ОПЕРАТИВНАЯ БРИГАДА СЕВЕРНОГО ФЛОТА (ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ 99705)

Создана приказом Главнокомандующего ВМФ СССР от 26 марта 1980 года

Расформирована директивой Начальника Главного штаба ВМФ СССР 31 декабря 1990 года.

Приказом Главнокомандующего ВМФ от 26 марта 1980 года на базе соединений Северного флота была создана 30 оперативная бригада. Окончательное формирование закончилось 15 мая 1980 года, местом постоянного базирования был определён порт Луанда, а операционной зоной – акватория Атлантического океана, ограниченная береговой чертой Западной Африки, меридианом 30° западной долготы и параллелями пролива Гибралтар и мыса Доброй Надежды. Для обеспечения деятельности бригады в её состав входили на постоянной основе корабли Северного и Балтийского флотов, а также временно проходящие, как правило после постройки, корабли Тихоокеанского флота, которые заходили в Луанду для пополнения запасов, мелкого ремонта, отдыха экипажей, а также для привлечения (при необходимости) к выполнению задач боевой службы. Кроме этого, кораблями 30 бригады обеспечивались испытания новой

техники и вооружения кораблей в дальней операционной зоне. Поимённый список кораблей, подводных лодок и судов обеспечения, а также частей и подразделений, входивших в состав бригады, объявлялся Директивами Главного штаба ВМФ.

В зоне своей деятельности перед командованием бригады и непосредственно кораблями ставились следующие задачи:

- наблюдение и слежение за корабельными группировками вероятного противника в готовности к нанесению ударов по ним с началом военных действий;
- выявление морских коммуникаций и оборудования театра;
- выявление вероятных районов боевых действий;
- защита гражданских судов СССР в операционной зоне бригады от противоправных действий;
- охрана рыболовецких судов СССР в операционной зоне бригады;
- обеспечение безопасности полётов советских самолётов;
- обеспечение интересов СССР и оказание помощи дружественным странам в соответствии с решениями советского правительства и ГК ВМФ;
- обеспечение базирования кораблей и судов ВМФ СССР в портах Анголы;
- обеспечение проходящих кораблей и судов ВМФ всеми видами снабжения, а также необходимым ремонтом силами плавмастерской;
- обеспечение охраны, а в случае появления ситуации, угрожающей жизни и безопасности персонала, эвакуации советских посольств и представительств в странах западной Африки.

Командование и штаб бригады формировались из состава различных соединений Северного флота, как правило сроком на 12 месяцев.

КОМАНДИРЫ

30 ОПЕРАТИВНОЙ БРИГАДЫ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

Капитан 1 ранга
Баранник Владимир Григорьевич
12.03.1979–24.12.1979 г.

Капитан 1 ранга Бардовский
24.12.1979–09.06.1980 г.

Капитан 1 ранга
Мазитов Серин Сулейманович
09.06.1980–23.02.1981 г.

Капитан 1 ранга
Литвинов Виктор Иванович
23.02.1981–10.02.1982 г.

Капитан 1 ранга
Олейников Николай Ефимович
10.02.1982–15.01.1983 г.

Капитан 1 ранга
Сталев Валерий Владимирович
15.01.1983–25.11.1983 г.

Капитан 2 ранга
Бабин Василий Макарович
25.11.1983–15.10.1984 г.

Капитан 1 ранга
Собгайда Владимир Андреевич
15.10.1984–03.11.1985 г.

Капитан 2 ранга
Каталов Анатолий Борисович
03.11.1985–10.11.1986 г.

Капитан 1 ранга
Ушаков Евгений Фёдорович
10.11.1986–01.11.1987 г.

Капитан 1 ранга
Доброскоченко Владимир Григорьевич
01.11.1987–15.05.1988 г.

Капитан 2 ранга
Некрашевич Валерий Петрович
15.05.1988–31.08.1989 г.

КОРАБЕЛЬНЫЙ СОСТАВ

30 ОПЕРАТИВНОЙ БРИГАДЫ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

В разные годы в состав 30 оперативной бригады входили и решали задачи боевой службы, проходили через операционную зону бригады к местам постоянного базирования корабли и суда Северного, Балтийского, и Тихоокеанского флотов, а также суда обеспечения, зафрахтованные в Балтийском и Мурманском пароходствах.

Для пополнения запасов, отдыха экипажа и проведения испытаний оружия и технических средств в океанской зоне в порт Луанда на 877 ПМТО «Маяк» совершили заходы следующие подводные лодки:

К-147 проект 671

Командир-Капитан 1 ранга Мазовка Е. К. Выполняла в период с 12.1981 по 06.1982 гг. задачи боевой службы в Индийском и Атлантическом океане с заходом в порт Луанда.

К-426 проект 667-А

Командир

К-481 проект 667

Командир капитан 2 ранга Шпортько А. Н. В 1981 году совершила деловой заход в порт Луанда с предъявлением корабля руководству Народной Республики Ангола.

Б-4 проект 641 «Челябинский комсомолец»

В период Карибского кризиса в октябре-ноябре 1962 года под командованием Р. А. Кетова участвовала в операции «Кама», в группе из четырёх лодок вместе с Б-36, Б-59 и Б-130, получив задачу скрытно перебазироваться в кубинский порт Мариэль. При подходе к Кубе в связи с изменением политической обстановки задание было изменено, и лодки начали скрытное патрулирование в Карибском море в окружении большого количества противолодочных кораблей США. Б-4 стала единственной из четырёх советских субмарин, которую корабли США не смогли заставить всплыть.

18 января 1963 года субмарина унаследовала от М-105 почётное наименование «Челябинский комсомолец».

В период с 22 ноября 1977 года по 9 июля 1978 года, командир капитан 2 ранга Кучеренко В. А. совместно с ПЛБ-826

«Ярославский комсомолец» и ГиСу «Полнос» со сменными экипажами на борту, совершила поход с задачей измерения гравиметрического поля Земли в южной части Индийского океана. ПЛ посетили порты Конакри (Гвинея), Луанда (Ангола), Порт-Луи (Маврикий).

В 1982 году при выполнении задач боевой службы повторно осуществила деловой заход в порт Луанда.

Б-215 проект 641-Б

Командир капитан 2 ранга Струговец Ф. Е. Во время выполнения задач в Атлантике в период с 01 ноября 1985 по 12 марта 1986 года для решения задач боевой службы базировалась в порту Луанда.

Б-440 проект 641

Командир капитан 2 ранга
Юрченко Н. И.

В 1984 году совершила деловой заход в порт Луанда для пополнения запасов и отдыха экипажа.

Б-821 «Брянский комсомолец», проект 641

Командир капитан 2 ранга Косолапов Д. Н.

В 1983 году обеспечивала переход на Тихоокеанский флот тяжёлого авианесущего крейсера «Новороссийск». В составе отряда боевых кораблей совершила деловой заход в порт Луанда.

Б-826 проект 641 «Ярославский комсомолец»

Командир капитан 2 ранга Машечков В. А. В 1982 году при выполнении задач боевой службы в период с 12 по 18 июня совершила деловой заход в порт Луанда.

ОХРАНА РАЙОНА РЫБНОГО ПРОМЫСЛА (ЗАПАДНАЯ САХАРА)

Морской Тральщик проекта 266 М

Большое внимание уделялось безопасности рыболовного промысла, особенно у берегов Марокко и Западной Сахары. В этом районе нередко совершались пиратские нападения на незащищенные рыболовные суда независимо от флага. В период до 1990 г. в целях обеспечения защиты рыболовства тральщики Северного, Балтийского и Черноморского флотов проекта 266 М -«Связист», «Пулемётчик», «Семён Рошаль» и другие, в составе 30 оперативной бригады осуществляли охрану советских рыболовных судов в районе рыбного промысла Западная Сахара от нападений катеров ВМФ Марокко.

Корабли советского ВМФ в Анголе не только выполняли задачи боевой службы, охраняя наш гражданский флот, но и сопровождали крупнотоннажные транспорты с важными грузами, в том числе с военным имуществом, которое поставляли из СССР и Кубы в Анголу, Мозамбик, Гвинею-Бисау и другие страны. Кроме этого, корабли советского ВМФ у берегов Анголы выполняли задачи по поддержке правительства МПЛА в Луанде. Командир десанта БДК «Красная Пресня» (БДК

«Красная Пресня» прибыл в Луанду в 1977 г.) Сергей Ремизов вспоминает: «Советский военный атташе, посетивший корабль по прибытии в Луанду, прямо заявил, что наше присутствие имеет огромное военно-политическое значение для руководства Анголы, пока чувствующее себя не совсем уверенно, поэтому видит в приходе мощного советского БДК с десантом морской пехоты на борту реальную поддержку линии партии МПЛА и рассчитывает на нас. Южноафриканские войска, в течение полугода оккупировавшие южные районы Анголы, сосредоточились в Намибии на границе провинции Кунене. Война может возобновиться в любую минуту.

Наши задачи, поставленные Москвой, – это, во-первых, – обеспечение военного присутствия ВМФ СССР в регионе как демонстрация поддержки народной Анголы и ее правительства, во-вторых, – поддержка формирований ФАПЛА в Луанде в случае необходимости и, в-третьих, – эвакуация (при крайнем развитии ситуации) сотрудников советского посольства, нашей военной миссии и Правительства Анголы». Ангольское военно-политическое руководство умело пользовалось присутствием советских боевых кораблей в своих территориальных водах. Когда обострялась обстановка на границе Анголы с Намибией, оккупированной ЮАР, незамедлительно следовала просьба президента страны или министра обороны о перебазировании советских боевых кораблей в ближайшие к границе порты – Намиб (Мосамедиш) и Порту-Алешандре. Присутствие там наших боевых кораблей являлось мощным сдерживающим фактором для режима ЮАР, проводившего агрессивную политику по отношению к Анголе.

Советские моряки были готовы дать отпор при возникновении угрожающей ситуации. Артиллерийские, ракетные и бомбометные установки могли в любой момент открыть огонь, стрельбовые РЛС работали в боевом режиме, а на каждом корабле были сформированы подразделения, вооруженные стрелковым оружием для ведения боевых действий на бе-

регу. Во время нахождения наших кораблей в приграничных портах боевая авиация ЮАР, свободно проникающая на сотни километров вглубь территории Анголы, старательно избегала даже приближаться к побережью. Однако ее подводный флот неоднократно «беспокоил» наши корабли. Например, 14 июня 1986 г. на БПК «Стройный», стоявшем на внешнем рейде порта Намиб, в 10.00 объявлена боевая тревога: приборами слежения была обнаружена подводная цель на подходе к акватории порта. «Стройный» «обработал» морскую акваторию из РБУ-6000, выпустив 24 глубинные бомбы. Перископ с поверхности исчез и больше не появлялся. После этого порт вернулся к обычной жизни, и на пирсах продолжились работы.

Одновременно экипажи постоянно осуществляли «противодиверсионные мероприятия», направленные против боевых пловцов. «Безусловно, одной из главных задач экипажей наших кораблей была защита от подводных диверсантов, как своих кораблей, так и гражданских судов, прибывающих в порт Луанды и других портов, – вспоминает Александр Кибкало. Дальнюю зону, на подходе к акватории портов мы контролировали при помощи гидроакустических комплексов больших противолодочных кораблей и подводных лодок. Их суммарное излучение было настолько мощным, что косяки рыб, оказавшиеся в зоне действия, прижимались к поверхности воды, отдельные особи выпрыгивали из воды, а корпуса судов, стоявших ближе к противоположному берегу, пронзительно звенели».

Эта опасность была реальной. Сергей Ремизов вспоминает: «Отдельно представитель военной миссии заострил внимание командира корабля и мое на том, чтобы экипаж и десант не теряли бдительность. Отметил, что у противников народного правительства имеются очень толковые морские коммандос, способные выполнять любые задачи. Поэтому мы сразу организовали службу на берегу, выставив пост возле опущенной на пирс кормовой аппарели, поставили прожектора вдоль бортов, соответственно организовав и вахту ПДО (ПДСС). Кроме этого,

организовали регулярные спуски под воду саперов-водолазов из состава десанта для осмотра подводной части корабля и прилегающей акватории. На всех советских кораблях и военных, и гражданских была организована служба ПДО, включающая, в частности, не только постоянное наблюдение за акваторией, но и профилактическое гранатометание в воду с небольшим интервалом в рваном ритме: бросали гранаты для борьбы с подводными диверсантами».

Разведывательно-диверсионные группы южноафриканской армии и оппозиционного ангольского движения УНИТА не раз совершали попытки пустить на дно суда, стоящие на рейде ангольских портов. В некоторых случаях им это удавалось. Так, в ночь с 5 на 6 июня 1986 г. боевые пловцы ЮАР заминировали и взорвали в порту Намиб советские сухогрузы «Капитан Чирков» (16000 т водоизмещения) и «Капитан Вислобоков» (12000 т), доставившие около 20 тысяч тонн оружия, боеприпасов для ангольской армии и партизан СВАПО и АНК. Также был взорван кубинский пароход «Набапа» (6000 т) с грузом продовольствия и снарядов. Советским судам удалось сохранить плавучесть, а «Набапа», перевернувшись, затонула. Эту операцию морским диверсантам удалось беспрепятственно осуществить только потому, что в Намибе в то время не оказалось ни одного советского боевого корабля. В это время в Луанде в составе 30-й оперативной бригады СФ находились БПК «Стройный» СФ (бортовой № 640, командир капитан II ранга А. Зюбрицкий), плавмастерская ПМ-64 СФ (командир капитан-лейтенант Ю. Арефьев) и БДК с ротой морских пехотинцев на борту. БПК и ПМ были срочно передислоцированы в Намиб. Из СССР в Намиб спецрейсом ВВС прибыла группа боевых пловцов ПДСС Черноморского флота во главе с капитаном II ранга Юрием Пляченко. Совместно с группой легководолазов БПК «Стройный», во главе со старшим лейтенантом Максимом Ивановым, удалось снять неразорвавшиеся мины с бортов советских судов и этим спасти их. По результатам операции

три офицера из группы Пляченко были награждены орденами Красной Звезды, остальные – медалями «За отличие в воинской службе». Был награжден и моряки БПК «Стройный»: орденом «Красной звезды» – командир БЧ-3 Максим Иванов (он провел под водой в Намибе в общей сложности свыше 24-х часов), медалью «За боевые заслуги» – командир трюмной группы Андрей Алдошин. Из состава экипажа ПМ-64 мичман Аксенов был награжден орденом «Красной Звезды», старший матрос Василий Степаненко – медалью «За боевые заслуги», а матрос Иван Михайлов – медалью Ушакова. Орденом «За Службу Родине в Вооруженных силах» был награждён начальник производства ПМ-64 капитан третьего ранга Рыжов.

Для решения задач противодиверсионной обороны гражданских судов (ПДО) привлекались и советские военные специалисты из состава группы при ВМС Анголы. Капитан II ранга Владимир Овсянников, работавший в Анголе в 1986–1988 гг., вспоминает: «Помимо штатных должностных обязанностей личный состав группы ВМФ выполнял и особые задания. Важную роль в достижении успехов ФАПЛА в вооруженной борьбе ангольского народа играли поставки из Советского Союза техники, вооружения и боеприпасов, осуществляемые судами Черноморского и Эстонского морских пароходств. Однако, после подрывов подводными диверсантами ЮАР в 1985–1986 годах в портах Анголы нескольких судов с военными и экономическими грузами, поставки из Советского Союза оказались под угрозой срыва. Осенью 1986 г. между Министерством обороны СССР и Министерством морского флота СССР было заключено соглашение, в соответствии с которым Минобороны СССР обязалось обеспечить охрану советских гражданских судов в портах Анголы. В сентябре 1986 г. Главный военный советник поставил перед группой советских советников и специалистов при ВМФ Анголы задачу: организовать противодиверсионную оборону (ПДО) советских судов во время их стоянки в портах Анголы.

Фотографии мин снятых с борта т/х «Капитан Вислобоков»

ПДО проводилось с помощью профилактического гранатометания вокруг судна с одновременным контролем близлежащей акватории. При появлении вблизи судна плавающих непознанных или подозрительных объектов они расстреливались из автоматов и пулеметов.

Как правило, в состав группы ПДО входили трое, советских военнослужащих из состава группы ВМФ в Луанде, один из которых назначался комендантом судна, а двое были гранатометчиками. Поддерживалась связь с военной миссией и кораблями 30-й оперативной бригады Северного флота, также задействованными в ПДО. Сегодня, по воспоминаниям южноафриканских боевых пловцов, мы знаем, что они опасались тех мест, где мы применяли гранаты, и, я думаю, что своими действиями мы спасли многие советские и ангольские суда от диверсий. Сегодня я бережно храню благодарственное письмо от капитана советского сухогруза «Капитан Леонтий Борисенко», в котором сказано, что «капитан и экипаж судна благодарят старшего лейтенанта Овсянникова В. П. за надежное обеспечение безопасности судна в период стоянки в портах Анголы».

Отдельные слова благодарности следует сказать морякам гидрографам. На своих судах они днём и ночью вели научную деятельность у берегов Африки, производя великое множество промеров глубин, исследуя физические поля мирового океана в этом районе. Результатом их деятельности стали современные навигационные карты и пособия, позволяющие кораблям нашего флота до сих пор выполнять свои задачи.

Пребывание советского военно-морского флота у берегов Анголы было обоюдовыгодным как для СССР, так и для молодого ангольского государства, которое в лице боевых кораблей СССР получало мощные гарантии по защите своей территориальной целостности и суверенитета. Работа 877 ПМТО с опорой на ангольские порты и аэродромы стала значительным подспорьем для ВМФ СССР в развёртывании поставленных задач по поиску и отслеживанию авианосных группировок ВМС стран

НАТО и атомных ракетоносцев США, а также получении ценных разведданных от самолётов ТУ-95 РЦ 392 Одрап. Работа промыслового флота у берегов Анголы под охраной кораблей ВМФ с одной стороны помогала решать задачи с обеспечением населения Советского Союза качественными рыбопродуктами, а с другой стороны способствовала насыщению ангольского рынка продовольствием и снижению уровня социальной напряжённости в условиях гражданской войны.

За время пребывания на боевой службе в операционной зоне бригады кораблей неоднократно посещали с официальными и деловыми визитами страны Западной Африки, а именно: Анголы, Гвинеи, Гвинеи Бисау, Того, Ганы, Бенина, Конго, Нигерии, Сан-Томе и Принсипи, островов Зелёного мыса.

Моряки 30 оперативной бригады достойно выполнили свой воинский и интернациональный долг у берегов Анголы.

В начале 1990 годов объём боевых служб в Центральной и Южной Атлантики начал резко снижаться. На флоте было принято решение о расформировании 30 оперативной бригады. Директивой Начальника ГШ ВМФ 31 декабря 1990 года бригада была расформирована. Летом 1992 года Директивой Начальника ГШ ВМФ был расформирован 877-й ПМТО, личный состав, оборудование и спецтехника была вывезена на госпитальном судне «Свирь».

ОСНОВНОЙ КОРАБЕЛЬНЫЙ СОСТАВ 30 ОПЕРАТИВНОЙ БРИГАДЫ

Корабль, флот, проект, период, командир	ФОТО
«Адмирал Нахимов» Северный флот Большой Противолодочный Корабль 1134-А Апрель-октябрь 1977 г. Капитан 2 ранга Дубина Г. И.	
«Красная Пресня» Балтийский флот Большой десантный корабль 1171 январь - июнь 1977 г. Капитан лейтенант Митюк С.С. Командир десанта Ремизов С.А., БТГ -61 опмп СФ	
«Прозорливый» Черноморский флот Большой ракетный корабль 56-М, октябрь 1977 - май 1978 капитан-лейтенант Черёмушкин В.А.	

«Зоркий»
Северный флот Большой
Противолодочный Корабль
57-А
Апрель-октябрь 1979
Капитан 3 ранга
Правиленко В.Г.

«Прозорливый»
Балтийский флот,
Большой ракетный корабль
56-М,
Сентябрь 1979-июль 1980,
Капитан-лейтенант Лякин В.Ф.

«Пётр Ильичёв»
Северный флот,
Большой десантный корабль,
Май 1979-май 1980,
Капитан 3 ранга Лизунов К.К.
Командир десанта м-р
Носков А.А.

«Семён Рошаль»
Балтийский флот,
Морской тральщик 266 М,
Июль-октябрь 1980,
Капитан 3 ранга
Кириченко А.В.

«Жгучий» Северный флот, Большой Противолодочный Корабль 57-А, Май 1980-Январь 1981, Капитан 2 ранга Кибкало А.А.	
«Гремящий» Северный флот, Большой Противолодочный Корабль 57-А, Июнь 1981-март 1982, Капитан 3 ранга Доброскоченко В.Г.	
«Неукротимый» Балтийский флот, Сторожевой корабль 1135-М, Февраль-июль 1982 г., Капитан 3 ранга Сироткин Н.Г.	
«Пётр Ильичёв» Северный флот Большой десантный корабль Январь -июль 1982 Капитан 2 ранга Хмылев Командир десанта м-р Носков А.А. БТГ 874 обмп СФ	

«Образцовый»
Балтийский флот,
Большой Противолодочный
Корабль 61,
ноябрь-декабрь 1982,
Капитан 3 ранга
Татаринов А.А.

«Маршал Тимошенко»
Северный флот, Большой
Противолодочный Корабль
1134-А,
Июль-декабрь 1982,
Капитан 2 ранга
Кондрашов В.В.

«Пётр Ильичёв»
Северный флот,
Большой десантный корабль,
январь -август 1983,
Капитан 2 ранга Хмылев
Командир десанта к-н
Манов И.Ф.
БТГ 874 обмп СФ

«Адмирал Нахимов»
Северный флот,
Большой Противолодочный
Корабль 1134-А,
Май-декабрь 1983 г.,
Капитан 2 ранга
Доброскоченко В.Г.

«Образцовый»
Балтийский флот,
Большой Противолодочный
Корабль 61,
Январь-июнь 1983,
Капитан 3 ранга Татаринов А.А.

«Красная Пресня»
Балтийский флот,
Большой десантный корабль
1171,
Сентябрь 1983-май 1984,
Капитан 3 ранга
Шапошников В.И.

«Адмирал Юмашев»
Северный флот,
Большой Противолодочный
Корабль 1134-А,
Май-декабрь 1984,
Капитан 2 ранга Цюра С.И.

БДК-105
Балтийский флот,
Большой десантный
корабль 775,
Июль-декабрь 1984,
Капитан 3 ранга Буренин В.А.

«Комсомолец Карелии»
Северный флот,
Большой десантный
корабль 1171,
апрель –июль 1984,
Капитан 2 ранга Миллер А.А.

«Огневой»
Северный флот,
Большой Противолодочный
Корабль 61-М,
Декабрь 1984-июнь 1985,
Капитан 3 ранга
Перегудов В.В.

«Пётр Ильичёв» Северный флот,
Большой десантный корабль,
февраль-август 1985 г.

БДК-105
Балтийский флот, Большой
десантный корабль 775,
Июль-декабрь 1985,
Капитан 3 ранга Буренин В.А.

«Доблестный»
Северный флот,
Сторожевой корабль 1135,
Май-ноябрь 1985 г.,
Капитан 2 ранга Савин В.А.

«Стройный»
Северный флот,
Большой Противолодочный
Корабль 61-М,
Январь-июль 1986,
Капитан 2 ранга Зюбрицкий А.

«Комсомолец Карелии»
Северный флот,
Большой десантный корабль
1171, Январь-июль 1986,

«Смышлёный»
Северный флот, Большой
Противолодочный Корабль 61,
1988-1989 г.,
Капитан 3 ранга Леоненков С.В.

«Бодрый»
Балтийский флот,
Сторожевой корабль 1135,
Январь-май 1987 г.,
Капитан 3 ранга Архипов В.М.

«Сообразительный»
Северный флот,
Большой Противолодочный
Корабль 61,
Декабрь 1987 г июнь 1988,
капитан 3-го ранга Фёдоров А.Б.

«Пётр Ильичёв»
Северный флот,
Большой десантный
корабль 1171,
Сентябрь 1988-март 1989,

«Громкий»
Северный флот,
Сторожевой корабль 1135-М,

«Сильный»
Балтийский флот,
Сторожевой корабль 1135,
Май-ноябрь 1988,
Капитан 3 ранга Родионов С.С.

«Комсомолец Литвы»
Балтийский флот,
Сторожевой корабль 1135-М,
Апрель-август 1989,
Капитан 2 ранга Самчук В.Н.

«Александр Шабалин»
Балтийский флот, Большой
десантный корабль 775 А,
Февраль-август 1987 г
Февраль -август 1989 г.,
Капитан 3 ранга Войтенко Ю.А.

«Бдительный»
Балтийский флот,
Сторожевой корабль 1135,
Январь-июль 1990 г.,
Капитан 3 ранга Белоглазов И.В.

«Бодрый»
Балтийский флот,
Сторожевой корабль 1135,
Ноябрь-декабрь 1990 г.,
Капитан 3 ранга Тузов А.Б.

«Николай Фильченко»
Северный флот,
Большой десантный корабль,

«Пётр Ильичёв»
Северный флот,
Большой десантный корабль,
Май 1979-май 1980,
Капитан 3 ранга Лизунов К.К.

БДК-58
Балтийский флот,
Большой десантный корабль 775,
Июль-ноябрь 1986,
Капитан 3 ранга Телегин В.А.

«Александр Шабалин»
Балтийский флот,
Большой десантный корабль
775 А,
Июнь-ноябрь 1987,
Капитан 3 ранга Войтенко Ю.А.

Плавмастерская ПМ-20
Северный флот, Пр. 300

Плавмастерская ПМ-21
Северный флот, Пр. 301

Плавмастерская ПМ-64
Северный флот, Пр. 304,
1986 год, Капитан-лейтенант
Ю.Арефьев

Плавмастерская ПМ-81
Северный флот, Пр. 304

Плавмастерская ПМ-138
Черноморский Флот, Пр. 304

Плавмастерская ПМ-139
Северный флот, Пр. 304

«Николай Зубов»
Балтийский флот, ОИС
Пр. 850, Май-ноябрь 1981 г.,
Капитан 3 ранга Ганин Ю.П.

«Стрелец»
Балтийский флот,
ГИСУ Пр. 862,
Сентябрь-январь 1982 г.,
Капитан-лейтенант Башун А.Ф.

«Гигрометр»
Балтийский флот, ГИСУ Пр.861,
Январь-июнь, декабрь 1982,
Старший лейтенант Белоус В.Ф.

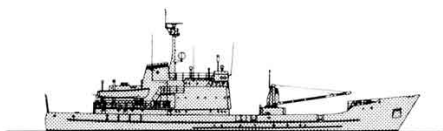
«Андромеда»
Балтийский флот,
ГИСУ Пр.861,
Июнь-ноябрь 1982,
Капитан-лейтенант
Суворкин М.Ю.

«Визир»
Балтийский флот,
ГИСУ Пр. 862,
Июль-декабрь 1983 август-
декабрь 1984,
Капитан-лейтенант
Напханюк М.А.

«Тропик»
Балтийский флот,
ГИСУ Пр. 860,
Январь-май 1983 г.,
Старший лейтенант
Скоchedубов О.Д.

1050 ts, 15.5 kn, 60.4 m
15 AG: *Samara Klasse* (62-64)

«Михаил Крупский»
Балтийский флот,
ОИС пр. 852,
1980 год

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ
(на Балтийском флоте)
г. Калининград, 236006,
ул. С.Толкина, д.18,
439-34-94

№ 31 - марта 2021 г. № 20/554

На № 31/0303 от 13.03.2021

Исп.вх. № 179

Экз. № 1

Командиру войсковой части 40120-Д
ул. Ушакова, д.2,
г. Калининград,
236015

№ 3

и прошу для
использования копии

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Корабли и суда Балтийского флота, принимавшие участие в оказании интернациональной помощи Анголе

По документам архивного отдела (на Балтийском флоте, г. Калининград) установлено, что:

1. сис "НИКОЛАЙ ЗУБОВ" в/ч 90477 в период май-ноябрь 1981 года находился на боевой службе в районе Гвинеи-Анголы-Мозамбик с заходом в п.п. Конакри, Мапуту.

Командир корабля – капитан 3 ранга Галап Юрий Павлович.

2. гису "СТРЕЛЕЦ" в/ч 20215 в период сентябрь-январь 1982 года находился на боевой службе в районе Гвинеи-Анголы-Мозамбик с заходом в п.п. Конакри, Мозамбик, Мапуту, Иньялбане.

Командир корабля – капитан-лейтенант Башун Анатолий Федорович.

3. бик "ОБРАЗЦОВЫЙ" в/ч 34351 в период ноябрь-декабрь 1982 года находился на боевой службе в районе Анголы-Гвинеи с заходом в п.п. Луанда, Конакри.

Командир корабля – капитан 3 ранга Татаринцов Александр Аркадьевич.

4. гису "ГИГРОМЕТР" в/ч 22967 в период январь-июнь, декабрь 1982 года находился на боевой службе в районе Марокко-Гвинеи-Анголы-Мозамбик с заходом в п.п. Конакри, Луанда, Мозамбик, Мапуту.

Командир корабля – старший лейтенант Белоус Валерий Фаридович.

5. гису "АНДРОМЕДА" в/ч 31165 в период июня-ноябрь 1982 года находился на боевой службе с заходом в п.п. Мапуту, Конакри, Луанда, Бейра, Накада.

Командир корабля – капитан-лейтенант Суворкин Михаил Юрьевич.

6. бик "ОБРАЗЦОВЫЙ" в/ч 34351 в период январь-июнь 1983 года находился на боевой службе в районе Анголы с заходом в п.п. Луанда, Сан-Томе.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА!

Виктор Литвинов,
вице-адмирал, ветеран Анголы,
член Союза журналистов Рос-
сии, научный сотрудник Музея
Балтийского флота.

Сущность счастливой жизни
усматриваю в силе духа.

Цицерон, 1 век до н. э.

Ко мне обратились председатель Совета ветеранов Анголы России Ремезов С. А. и председатель Совета ветеранов Анголы Калининградской области Бухалин И. Г. с просьбой рассказать о событиях 40-летней давности на страницах газет и журналов, что я и делаю. В январе неожиданно позвонил Доброскоченко В. Г. и обратился с такой же просьбой. Ныне это вице-адмирал, а в то время был капитаном 2 ранга и командовал большим противолодочным кораблём «Гремящий» Северного флота. Летом в тот далёкий 1981 год корабль «Гремящий» пришёл в Анголу и стал моим флагманским кораблём. На нём я держал флаг в течение нескольких месяцев. Доброскоченко В. Г. как-то ещё в 1992 г. написал: «Учитываю опыт,

который приобрёл под вашим командованием при длительных плаваниях в районах Юго-Западной Африки. Это были настоящие плавания для настоящих моряков».

Разве думали мы в детские годы, когда играли в морских путешественников на полузатопленных старых кораблях, отживших свой век и постав-

ленных на вечную стоянку на входе в приморскую бухту, что пройдут годы и мы действительно выйдем в океан на красивых боевых кораблях. Но не для открытия новых земель, а для оказания помощи африканским странам в борьбе за свободу.

Наше детство пришлось на героические 50-е и 60-е годы, когда люди Страны Советов после восстановления разрушенных в годы Великой Отечественной войны городов и деревень приступили к строительству Братской ГЭС на Ангаре в Сибири, Волго-Донского канала, новых заводов и городов, к освоению целины. О, это было удивительное время фантастических свершений, когда мы в красных пионерских галстуках и комсомольских значках распевали первые песни юной Александры Пахмутовой:

Братья по судьбе,
Братья по огню,
Братья по горячим делам...

Любимыми певцами были Юрий Гуляев, молодой Иосиф Кобзон и нестареющие Леонид Утёсов и Клавдия Шульженко.

С затаённым дыханием следили за волшебными движениями балерины Галины Улановой в фильме-балете «Ромео и Джульетта», за талантливой игрой в роли Гамлета Иннокентия Смоктуновского и зажигательной игрой Людмилы Гурченко в «Карнавальной ночи».

А наша флотская юность в 60-е и 70-е годы была связана с первыми экспедициями в Атлантику на парусном барке «Седов» и дальними походами на боевую службу.

Начало 80-х... Командую соединением кораблей на Северном флоте. Неожиданно вызывают к командованию флота.

- Готовы ли вы к боевой службе в Атлантике?
- Срок?
- Около года.
- На каких кораблях?
- Больших противолодочных, сторожевых, словом, на разных.
- С базированием?
- В странах Западной Африки. Основной пункт базирования – Ангола, Луанда; манёвренный пункт базирования – Гвинейская Республика, Конакри.
- Время выхода в поход?
- Февраль 1981 года.

Ничто не мешало мне пуститься в это непонятное пока плавание. Семья устроена. Жена Надюша учится на заочном в институте культуры Крупской, двое первых мальчиков бегают в школу в шестой и четвёртый классы. Итак, вперёд в неизведанное. Согласился.

Это были десятилетия борьбы народов за своё освобождение. В 1947 году Индия окончательно сбросила с себя владычество Англии. В 1959 году на Кубе волна народной революции уничтожила зависимость страны от США. Фидель Кастро резко повернул развитие Кубы в сторону социализма. В 1974 году в результате революции в южноафриканской Анголе народ покончил с португальским колониализмом, и в 1975 году взойшла звезда Народной Республики Ангола. Позиция Советского Союза была ясной и понятной: мы поддерживали народы в их борьбе за свободу и не только на словах, но и на деле – материально, финансами и военной мощью. Советский народ в этом был един...

По Анголе надо было разобраться, что там происходит и с чем мы столкнёмся, когда прибудем туда: какая расстановка сил, кому и в чём потребуется наша помощь.

Но, во-первых, надо было подобрать себе помощников в этом большом деле. А точнее, сформировать походный штаб. Слава богу, мне самому разрешили это сделать. И я этим воспользовался. Своим заместителем я избрал Николая Карманова, начальником штаба – Геннадия Матвеева, известного мне ещё по службе в Гремехе в 1974–1978 годах.

Заместителем по электромеханической службе стал Игорь Плахов, опытный, вдумчивый, мастер своего дела офицер. Заместителем по воспитательной работе флот мне определил Евгения Пузырного, и я не пожалел, что именно его.

Флагманского штурмана, артиллериста, связиста – всех набрал из своего северного штаба бригады. К нам примкнула группа врачей. И вот мы дружно сели в поезд Мурманск – Ленинград и двинулись на Балтику. Из Балтийска на стройном большом противолодочном корабле «Славный» должны были выйти в Атлантику. Но не тут-то было. Начинаясь 1981 год, а это время финальных событий в Польше. Пан Валенса поднимал своё движение «Солидарность» и готовился захватить в Польше власть. Поэтому я вместе со своим походным штабом вернулся на Северный флот в Североморск, там нам выделили небольшое судно. 15 февраля 1981 года мы вышли в долгожданный поход. В Норвежском море нас впервые качнуло, а дальше у Гебридских островов, что к северо-западу от Англии, мы попали в настоящий шторм. Нас кидало, бросало, ломало (на 4 часа выходили из строя машины), но, спасибо Игорю Плахову, справились с поломкой и дальше отдались на волю волн.

К 27 февраля ветер внезапно стих. Мы стали на якорь у берегов Ирландии и через двое суток продолжили движение в океан. 5 марта прошли параллель Гибралтарского пролива и вошли в Южную Атлантику. Это была уже операционная зона опера-

тивного соединения, которым мне надлежало командовать в течение нескольких месяцев. Эти несколько месяцев переросли потом в год с небольшим.

Теперь я понимал, что всё, что делалось в Южной Атлантике, я должен знать, особое внимание отдавая действиям кораблей НАТО и многому другому.

Например, у берегов Марокко и Западной Сахары постоянно вели промысел наши рыболовные суда. Их здесь сосредотачивалось до сотни и более. И все бы ничего, если бы не марокканские пираты. Они с 1979 года нападали на наших рыбаков, захватывали траулеры, уводили их в пиратский порт Дахла и требовали за них выкуп.

В 1980 году наше правительство вынуждено было отдать указание главкому ВМФ Горшкову нести боевыми кораблями дозор в районе рыболовного промысла. Теперь эти корабли входили в состав моего соединения, и все их действия управлялись с моего командного пункта, где бы я ни находился – в Гвинее или в Гвинее Бисау, Того или в Анголе.

Подойдя 8 марта 1981 года в район Западной Сахары, связался с начальником промысла, встретился с ним на рыболовной плавбазе «Капсукас», обговорили все вопросы взаимодействия и организации связи, затем побывал на дозорном корабле «Снайпер» (он пришёл с Черноморского флота), и далее мы двинулись в Конакри столицу Гвинейской Республики. Здесь наши боевые корабли после смены с дозора отдыхали, проводили технический осмотр и готовились к следующему дозору по охране района рыболовного промысла.

В Конакри встретился с командующим флотом Гвинейской Республики, с дипломатическими сотрудниками Советского посольства. Перед нами начала проясняться обстановка в этой части океана. Стало ясно, что охрана района промысла советских рыбаков и защита их от пиратов будет занимать у нас немало времени, тревог и беспокойства.

МТ «Связист» швартуется к ПМ-21. Рейд Конакри Гвинея, 1981 г.

В Конакри стояли корабли «Связист», «МТ-47». Побывал на них. Мне важно было знать их настрой, здоровье. «Связист» пришёл с Балтики, а «МТ-47» – с Северного флота.

Особенно порадовал «Связист». Стоит вспомнить, как встретил нас командир корабля капитан 3 ранга Романов Валентин Петрович образцовым видом команды, боевых постов, исправностью техники, всем состоянием корабля. Вслед за «Связистом» 7 мая встретили морской тральщик Северного флота «МТ-47», командиром которого был Петенко. Поздравили его с успешным деловым заходом во Фритаун, столицу Республики Сьера-Леоне. 10 мая продолжили движение на юг. Хорошо, что снова вышли в океан. Здесь любая хандра быстро проходит. Море лечивает от всех болезней. 14 мая отпраздновали переход экватора и 22 мая 1981 года подошли к лазурному берегу Анголы.

Завершилась первая часть нашего плавания в Южной Атлантике. Признаюсь, когда встречался с экипажем дозорного корабля «Снайпер», смотрел на матросов и офицеров корабля, разговаривал с ними, то интересовался, как переносят утомительную и постоянную качку на крупной океанской зыби изо дня в день, а в ответ не слышал ни жалоб, ни хныканья. У всех была твёрдая убеждённость – выстоять и непреодолимая тоска по дому, родным и любимым. Специальная группа из матросов этого же корабля была готова к освобождению наших рыбаков при захвате пиратами, если потребует того обстановка. Ещё раз убеждался, что люди наши особого склада. Из поколения в поколение им передаётся воля предков: не поддаваться унынию, умение подчинять себя главной цели и победе.

Всего в 30-ю оперативную бригаду ВМФ, которой я командовал, входило в различные месяцы от 10 до 15 кораблей разных классов и разных флотов. Кроме того, мне посчастливилось принимать впервые в истории Африки две атомные подводные лодки, которые проходили наш район и заходили в Луанду, тем самым проявляя знак солидарности с ангольским народом. Посетили они Анголу по приглашению ее президента *comarada* Душ Сантуша.

*Интернациональная встреча с ангольскими военными моряками
и кубинскими интернациональстами. Ангола, 1981 г.*

Стоянка в Луанде, столице Анголы, вместила в себя десятки событий: визиты посла Советского Союза Логинава Вадима Петровича и министра обороны Анголы полковника Тонья Мария Педро на подводные лодки; знакомство с Луандой, поездки по стране; встреча с кубинским космонавтом Томайю Мендесом. Никогда не забудется то радушие, с которым нас встретили здесь советские люди как в посольстве, так и в военной миссии.

Дружеские отношения сложились с кубинскими друзьями: командующим кубинскими войсками дивизионным генералом Пелайасом и его окружением, с военным атташе Чехословакии Ирже и военным атташе ГДР Норбертом. С военным атташе Советского посольства полковником Соколиным Валерием Владимировичем стали не просто товарищами, а более того – друзьями. Это ему мы обязаны, что он, зачастую приезжая на флагманский корабль «Гремящий», забирал нас и вез то на ли-

*Прием министра обороны полковника Тонья Мария Педро.
Ангола, 1981 г.*

нию обороны, где в 1976 году были остановлены заировские интервенты и контрреволюционные отряды Савимби, то на Кванзу, самую полноводную реку Анголы, которая для народа Анголы была и есть тем, что для нас Волга. Всё это помогло нам быстрее «врасти» в обстановку и принимать грамотные и нужные решения.

А обстановка в Анголе в летние и осенние месяцы 1981 года была очень сложной. С юга вторглись расистские юаровские войска (ЮАР в то время была ещё расистским государством, и у власти были «белые»), из джунглей Анголы совершали набеги контрреволюционные банды УНИТА Савимби. В самой Луанде не утихала стрельба.

И как вовремя подошли свежие силы – большой противолодочный корабль «Гремящий» Северного флота и сторожевой корабль «Ревностный» Балтийского флота. Тотчас же после знакомства с экипажами и командирами кораблей я перенес свой

флаг на «Гремящий». И не пожалел. «Гремящим» командовал Доброскоченко Владимир Григорьевич. Экипаж, как я вскоре убедился, его уважал. И было за что.

Он был статным, отрастил бороду, держал себя всегда со спокойной уверенностью, был немногословен, с людьми, кто бы они ни были – матросы ли, офицеры ли, официальные чиновники – держал себя по-командирски с достоинством и вниманием. Я проникся к нему симпатией, когда увидел его в боевой обстановке на юге Анголы во время налётов юаровских самолетов «Мираж».

«Ревностным», новейшим сторожевым кораблем проекта 1135, командовал Флоряк Василий Иванович. Его я знал по Северу, где он был командиром большого противолодочного корабля «Маршал Ворошилов». Опытный офицер и моряк. На «Ревностный» он был назначен командиром на время боевой службы и старшим перехода корабля после Африки на Тихоокеанский флот. Вы можете, уважаемые читатели, понять моё удовлетворение и радость от такого пополнения нашего оперативного соединения ВМФ.

Надо сказать, что на «Ревностном» перед выходом в море была размещена усиленная рота морской пехоты на тот вариант, если потребуются её действия на берегу. Были дни, когда из-за

Порт Луанда, Ангола, 1981 г.

резкого усиления напряжённости в Луанде, приходилось по просьбе посла Логинова выделять морских пехотинцев для охраны посольства.

Когда позволяла обстановка, проводили спортивные встречи с ангольскими моряками. Начали с волейбола и футбола. Затем приняли участие в шахматном турнире на первенство Народного

На атомной подводной лодке. Ангола, 1982 г.

военно- морского флота Анголы. Участвовало семь команд, из них две советские: одна наша корабельная и одна от военных советников.

Турнир проводила шахматная федерация Анголы. Председатель федерации попросил вне конкурса сыграть с ним офицера моего штаба капитана 2 ранга Бахорина Вячеслава Николаевича. Через полчаса наш ангольский друг признал своё поражение.

Всё это не мешало нам заниматься боевой учёбой, проводить занятия с ангольскими военными моряками, играть боевые и учебные тревоги, производить по особому графику профилактическое гранатометание с борта боевых кораблей для противодействия диверсионным группам боевых пловцов расистов.

Интернациональная встреча с ангольскими и кубинскими военными руководителями. Ангола, порт Луанда, 1981 г.

23 августа 1981 года, в воскресенье, ранним утром южно-африканские расисты начали новую агрессию против Народной Республики Анголы. Они подвергли бомбардировке города на юге Анголы – Каама и Шибембе. 24 августа началось вторжение расистских войск ЮАР. Танковые колонны двинулись вглубь территории страны. Авиация ЮАР подвергла бомбардировке город Шанконго, затем город подвергся артобстрелу, он был практически полностью разрушен. Министерство обороны Анголы давало нам постоянную информацию. У меня сохранились

вырезки из газет «Правда», «Известия», «Красная звезда» тех дней; их сделали жены и дети, которые следили за событиями в Анголе и переживали за нас, военных моряков, оказавшихся в центре тяжёлых событий за многие тысячи километров от Советского Союза. «Красная звезда» 27 августа 1981 года опубликовала заявление ТАСС. «24–25 августа с. г. южноафриканские войска крупными силами вторглись в южные районы Анголы. Имеются жертвы среди ангольского мирного населения... ТАСС уполномочен заявить, что Советский Союз требует немедленного прекращения агрессии и вывода войск интервентов с территории Анголы». Газеты Европы, Америки, Азии в эти дни публиковали требования прекратить агрессию против Анголы. ООН выступила с таким же требованием.

Мы в Анголе находились в постоянной боевой готовности и понимали, что вот-вот поступит приказ оказать помощь ангольской армии и флоту. И действительно, 27 августа в 16.30 получили приказ главкома Горшкова через два часа по боевой тревоге сняться и перейти из Луанды на юг Анголы в порт Мосамедиш, преодолев 400 миль. В точно назначенное время снялись со швартовов и вышли в океан БПК «Гремящий», СКР «Ревностный» и танкер «Десна». Из Советского Союза к нам спешил БПК «Таллин». Ну, а как всё воспринималось нашими матросами, офицерами? Все как-то преобразились, и стар и млад: повзрослели, подтянулись, вахту у оружия и техники несли с особым вниманием. Уже на переходе в Мосамедиш мой заместитель Евгений Васильевич Пузырный принёс первые рапорта матросов и офицеров с просьбой включить их, если потребуется, в десантный отряд: «Готовы сражаться с оружием в руках за свободу и независимость Анголы». Это было уже в крови наших людей любой национальности. Так они были воспитаны дедами, отцами, учителями в школе и детсадах: «Сам погибай, а товарища выручай».

На океанском переходе провели учения по противовоздушной обороне с выполнением артиллерийских стрельб, т. е.

проверили фактическую подготовленность к борьбе с воздушным противником. На рейд Мосамедиша вошли ранним утром в 6.00 29 августа. Бухта Мосамедиш широкая, глубоководная, якорные места почти по всей бухте. Грунт – ил, песок. На рейде стояли пять иностранных судов: греки, панамцы, поляки и анголец – столько же стояло и у коммерческого причала. Город небольшой. Население 15–16 тысяч. Несколько больших строений: административное здание руководства провинции, бывший губернаторский дворец, госпиталь, профессионально-техническое училище. Остальные – одноэтажные дома. Авиация расистов совершала разведывательные полёты на подходах к порту. На «Гремящий» прибыл старший военный советник. С радостью поздоровались. Он подробно изложил мне военную обстановку. Юаровцы продвинулись внутрь страны на 200 километров, и, таким образом, Мосамедиш оказался у них в тылу. Поэтому, по данным военной разведки, они будут пытаться в ближайшие дни нанести по нему мощный удар и захватить его. С суши Мосамедиш обороняют бойцы ФАПЛА – народной армии Анголы и кубинские добровольцы. С воздуха – советские зенитные комплексы, но их немного. Ангольцы надеются, что советские корабли смогут при налёте юаровской авиации прикрыть Мосамедиш с морских направлений. Итак, задача нам стала предельно ясной, и я провёл подробный инструктаж командиров кораблей и капитана танкера «Десна».

30 августа вместе со старшим военным советником Бобр Виктором Павловичем посетил в городе комиссара провинции Мосамедиш подполковника Рафаэла. Принял он нас в рабочем кабинете своей резиденции. После приветствий мы объяснили цель захода в порт, так как получили приказ своего главкома и рекомендации командующего ВМФ Анголы *comarada* Орлога, поэтому готовы выполнить интернациональные задачи. Комиссар от имени всех жителей провинции поблагодарил нас за демонстрацию поддержки. Я пригласил его посетить наши корабли.

Встреча посла Советского Союза. Ангола, порт Луанда, 1981 г.

Он с радостью принял приглашение и заявил, что готов будет посетить корабли: возьмёт с собой городские власти, представителей молодёжи и рабочих мраморного завода, чтобы они на деле убедились в дружественных чувствах советских людей. Прощаемся. Camarada Рафаэл посмотрел на рослых парней в униформе, вооружённых ручными пулемётами и пистолетами, мы объясняем, что это наши морские пехотинцы и что взяли их для охраны.

Вечером показываем флагманский корабль «Гремящий» нашим гостям. Приглашаем на мостик и с согласия комиссара даём в его честь 13 артиллерийских залпов. Салют гремит над гаванью. Гости довольны. В заключение показали документальный фильм «Величайшее танковое сражение» из серии «Великая Отечественная». Гости сидели притихшие.

Поражены всем: и нашим радушием, и кораблями, и фильмом. После фильма – знаменитый русский «посошок» и здравицы: «Viva Ангола!», «Viva дружба!», «Viva президент Сантуш!», «Viva боевая солидарность!».

И начались боевые будни.

В 1 час 30 минут ночи 2 сентября получили сообщение с командного пункта ПВО ФАПЛА (ангольская армия), что с 5.00 до 7.30 ожидается налёт авиации ЮАР на порт Мосамедиш.

Поднял командиров, офицеров штаба. Объяснил обстановку, выслушал мнения офицеров. Затем поставил задачу командирам кораблей:

1. Подъём экипажей произвести в 4.30 утра.
2. При обнаружении воздушных целей играть боевую тревогу и переводить зенитно-ракетные комплексы в боевую готовность номер один.
3. Кораблям сняться с якоря и маневрировать, чтобы не быть для противника неподвижными мишенями.
4. Сторожевому кораблю «Ревностный» выйти на внешний рейд и вести заградительный артиллерийский огонь для поражения низколетящих целей, идущих с морского направления на порт. Составил телеграммы в Москву, на Северный флот и главному военному советнику в Анголу. Накануне беседовал с матросами на «Гремящем» прямо на боевых постах, а с другими кораблями – по УКВ-связи. Настрой у всех хороший, понимают, что необходимо быть предельно собранными, бдительными. Прифронтовая обстановка юга Анголы невольно передавалась каждому. Был уверен, что, если придётся участвовать в боевых действиях, никто не дрогнет.

С фронта поступали тревожные сообщения. Стерты с лица земли города Нжива, Шиконго, Шебембе, Кахама. Имелись многочисленные жертвы среди населения. Погибли наши советники и их жёны в районе Нживы. Одну из женщин, жену нашего офицера-советника, расстреляли на глазах у всех. Другая – погибла во время очередного налёта авиации. Её муж, советский прапорщик, был схвачен юаровцами.

Комиссар Рафаэл в своём выступлении по радио, обращаясь к жителям и воинам, говорил о жертвах, которые понесли советские люди-интернационалисты.

Надо было видеть лица наших матросов, мичманов и офицеров, когда мы рассказывали им о зверствах юаровцев: посуровели их лица, в глазах ненависть, и скажи им, что надо покарать убийц, отдай им приказ идти в бой – пойдут, не задумываясь.

2 сентября при обнаружении воздушных целей сыграли боевую тревогу, снялись с якоря. «Ревностный» вышел на внешний рейд и открыл заградительный артиллерийский огонь. Ракетные зенитные комплексы работали в боевом режиме. Дистанция до целей сокращалась: 130 километров, 100 километров, 90 километров... Комплексы кораблей были готовы к пуску. Но на $D = 35\text{--}40$ километров самолёты вдруг начали разворачиваться и уходить. Нам потом объяснили, что юаровские летчики не пересекают боевой рубеж, если по приборам видят, что они обнаружены и находятся в узком луче стрельбовой, радиолокационной станции. То есть в зону применения нами зенитного оружия они не входят, а разворачиваются и уходят.

В те дни мы неоднократно обнаруживали воздушные цели, и боевые тревоги стали повседневным явлением. Наконец 10 сентября все радиостанции мира сообщили, что наступление расистов захлебнулось и юаровские войска откатываются назад под натиском ангольской армии ФАПЛА.

Я подготовил приказ по соединению о поощрении экипажей «Гремящего» и «Ревностного» за проявленные бдительность и решительные действия во время боевых тревог.

16 сентября было получено из Москвы указание «Гремящему» – возвращаться в Луанду, а «Таллину» и «Ревностному» – следовать на Тихоокеанский флот.

Заканчивалась наша ангольская эпопея, но боевая служба завершилась только в марте 1982 года. На «Гремящем» после Анголы мы побывали ещё в африканских странах Того, Гана и Гвинея-Бисау. Продолжали хорошо действовать дозорные корабли у берегов Западной Сахары, поэтому ни одного случая захвата наших рыболовных судов не было. Попытки пиратов срывались. После всех штормов, океанских и политических, 6 марта

1982 года БПК «Гремящий» ошвартовался в Североморске. Нас радостно встречали семьи. Моя жена с детьми тоже прилетела из Северодвинска. Но я здесь же был вызван в штаб флота для подробного доклада, и всё снова закрутилось-завертелось.

Эпилог

Школу воспитания смелости, отваги, боевого опыта у берегов и в базах Западной Африки в 1970–1980-х годах прошли многие корабли, в том числе Балтийского Флота: СКР «Неукротимый» (командир Николай Сироткин), СКР «Беспокойный» (командир Игорь Белоглазов), БДК «Донецкий шахтер» (командир Александр Назаренко) и другие. В Балтийске проживают свыше 30 ветеранов Анголы, действует Всероссийская организация ветеранов.

НА ДАЛЬНИХ ТРЕВОЖНЫХ ПУТЯХ

(Новогодняя феерия с прологом и эпилогом)

И всюду, где плещутся волны,
Где жгуч небосклон золотой,
Плыву я, счастливый и вольный,
Над звонкой и бурной водой.

(А. Лебедев)

Пролог

Признаюсь, уважаемые читатели, эти строки написаны под влиянием разговора, который произошел недавно накануне Нового года с одним из ведущих флотских журналистов Алексеем Будановым. Я обещал тогда, что непременно расскажу о необычной встрече Нового года на кораблях, которые этот светлый праздник застал далеко-далеко от родных берегов...

Год Новый приближается – земля родная отдаляется

А дело было так. К концу 1981 года я продолжал командовать оперативным соединением ВМФ в Южной Атлантике. К тому времени пошел десятый месяц управления этим уникальным соединением. В соединение в разные месяцы входили корабли и Балтийского, и Северного, и Тихоокеанских флотов. Особенно запомнились подготовленностью экипажей и морской культурой корабли, пришедшие с Балтики: большой противолодочный корабль «Таллин», сторожевой корабль «Ревностный» (позже они перейдут на Тихий океан и войдут

в состав Тихоокеанского флота), тральщик «Связист», а также большой противолодочный корабль проекта 57-А «Гремящий», морские тральщики «Десантник» и «Машинист» Северного флота. Боевая служба кораблей в оперативном соединении продолжалась от одного – двух до восьми месяцев. Затем одни корабли уходили, а на смену им приходили другие. Ну, а я при этом переносил свой флаг с одного корабля на другой, объявляя его флагманским.

Одна группа кораблей несла боевой дозор у берегов Западной Сахары, охраняя наши рыболовные суда от набегов марокканских пиратов. Другая группа стояла, как правило, в Конакри (столице Гвинейской Республики) в планово-предупредительном ремонте перед очередным дозором или слежением за кораблями вероятного противника. И третья группа базировалась на Юго-Западе Африки в Анголе.

Дважды в состав соединения входили на короткий период две атомные подводные лодки. Они заходили в Луанду по приглашению правительства Народной Республики Ангола.

События, о которых собираюсь рассказать, приходится на ноябрь-декабрь 1981 года. 15 ноября нас торжественно провожала Луанда. Отсюда я на «Гремящем» должен был взять курс на север к родным берегам. С нами выходил и танкер «Тукумс». По пути домой надлежало зайти с дружественным визитом в столицу Республики Того – порт Ломе.

В Луанде нас провожали – Посол Советского Союза в Народной республике Ангола Вадим Петрович Логинов, сотрудники посольства и военной миссии. Провожали тепло, прощаясь с нами как с частичкой Родины. Сынишка консула, десятилетний Юра, плакал, остальные крепились.

Посол на своем катере «Волга» сопровождал нас до поворотного буя, который был выставлен у выхода из бухты.

Экипажи в парадной форме были выстроены на палубах. Играли во всю мощь «Славянку». В последний раз сыграли Послу «Захождение», когда он проходил на катере мимо борта, в по-

следний раз дружно помахали бескозырками и фуражками, в последний раз дали три длинных гудка и вышли в открытый океан.

Ангола, Луанда, южный ангольский порт Мосамедиш, который во время августовско – сентябрьской агрессии расистской (в то время) ЮАР мы прикрывали с воздуха от юаровской авиации, – все осталось позади.

Впереди – порт Ломе Республики Того, заходы в Гану, Гвинею-Бисау, а там дальше «да здравствует!» родимая земля. Как раз в канун Нового года обнимем своих родных, дорогих нам жен, детей, любимых. Там мы все думали, о том мечтали и считали дни до встреч.

Но мечтам нашим и надеждам не суждено было свершиться.

Визит в Ломе прошел на «ура». Настроение у всех приподнятое, несение вахт – выше всех похвал.

Снова – открытый океан.

Мне приносят радиogramму. Принес лично флагманский связист. Уже все насторожило. Докладывает: «От начальника Главного Штаба». Подает и выжидательно смотрит на меня. Адмирал Владимир Николаевич Чернавин (впоследствии наш Главнокомандующий) передавал приказание Главкома ВМФ С. Г. Горшкова лечь на обратный курс, следовать в Луанду в связи с резко обострившейся обстановкой в Анголе. Подробные указания ждать в следующей радиogramме.

Подробности не заставили себя ждать. В Анголе снова загремели взрывы, в Луанде крупные диверсии на нефтеперерабатывающем заводе, снова из-за угла унитовцы (члены вооруженной националистической организации) стреляли в активистов МПЛА – членов Партии Труда, истинных борцов за свободу, а на южной границе Анголы, как всегда в таких случаях, зашевелились расисты-юаровцы с территории оккупированной ими Намибии.

Вот как бывает, уважаемые читатели. Пришлось нам распрощаться с радужными надеждами попасть домой к новогодним елкам и настраиваться на иной, боевой лад.

Да, трудное было время. Такое не забудется никогда.

Мы дали информацию экипажам, почему изменили курс, куда идем и зачем.

Но уж таким был советский человек. Его не только не пугала эта запутанная обстановка гражданской войны в Анголе, а, напротив, сознание того, что занимаемся нужным делом, помогая растерзанной междоусобицей стране, прикрывая крупные ее города от ударов с воздуха юаровской авиацией и обучая военно-морскому делу ангольских моряков, — делало нашего человека еще сильнее духом, жизнь приобретала еще более устойчивый смысл, еще более яркие неведомые до того оттенки.

Неунывающими и смелыми были наши люди.

В делах это выражалось просто: лучше неслась вахта, искренней и постоянной становилась товарищеская поддержка, исчезла куда-то излишняя раздражительность, которая была плодом многомесячного плавания, реже слышна была брань. Тот, кто оказывался послабее и телом и духом, тянулся за более сильными, чувствуя крепкое плечо друга и товарища.

Было ли все так уж идеально в общей картине нашего бытия или в частностях? Конечно же, нет.

Порой подолгу со своим заместителем Евгением Васильевичем Пузырным ломали головы над тем, как помочь тому или иному, кто из-за отсутствия весточек от родных вдруг опускал руки, становился нелюдимым, ходил с отсутствующим взглядом, замыкался в себе. И выход находили: давали радиозапросы на Большую Землю, окружали дополнительным вниманием. Очень в этом помогал флагманский доктор Николай Егорович Капитанов. Будучи сам хорошим психологом, он организовал основательную подготовку корабельных врачей и фельдшеров, натаскивая их по азам психологии и делясь собственным опытом дальних и долгих плаваний. Но не сюсюкали, боже сохрани. Нет, напротив, оставались требовательными, но справедливыми. Незаметно, исподволь, с такими, выбившимися из колеи или

иначе, по- морскому, отклонившимися от курса, в свободные часы больше времени проводили наши неугомонные весельчаки, которые есть всегда и в любом экипаже. Они своей неунываемостью и жизнелюбием поддерживают особый микроклимат, будь то боевая часть или в целом корабль.

Я выше писал, что мы уже около года находились вдали от дома, от родной земли. И меня поймут наши читатели, пробегая глазами эти строки. Задержите же свое внимание, перечитайте отдельные места.

Матросы, мичманы, офицеры... Ведь они были для нас, по сути, нашими детьми, младшими братьями. Многие были женаты, имели детей. Иные дома оставили не только близких, но и любимых девушек за тысячи далеких миль.

Никогда, никогда мне не было стыдно за этих удивительных, разных, очень разных людей, с коими свела тогда меня судьба.

Я гордился оттого, что они хорошо знали специальность и в своих познаниях шли дальше, совершенствуясь. Радовался, глядя на них тому, как они крепили, как прямее становился их взгляд, пробуждалась здоровая любознательность, интерес к жизни, и «чувство локтя» были не пустыми словами.

Мне много раз приходилось встречаться с иностранными военными моряками: и с англичанами, и с американцами, и с французами, и с немцами. Они тоже отличные профессионалы, дело свое знают. Но стоит завести разговор о музыке, литературе, истории, природе, и здесь раскрывалась отнюдь не радужная картина. Особенно американцы оказывались полными «незнайками». В лучшем случае, с ними можно было поговорить о спорте, женщинах и джазе.

По-иному вели себя англичане. В знании истории, литературе, например, им нельзя отказать. Но какой истории, какой литературе? Только английской, или, как они любят говорить, Соединенного Королевства. Мы, к примеру, любим шотландского поэта Роберта Бернса и можем читать наизусть и его стихи, и его поэмы, а ещё мы любим Диккенса, Теккерея. Попробуй-

те попросить их, чтобы они тоже прочитали наизусть наших Пушкина, Есенина, Блока, и они смущенно отведут свой взгляд, давая понять, что мы просим невыполнимого.

Внутренний мир нашего человека всегда был богат, и мы лелеем надежду, что все духовное, ценное, нужное постепенно исчезающее у значительной части молодых людей в последние пятнадцать лет, восстановится. Потому что корни наши, слава богу, порче пока не поддались. Они остаются здоровыми, ибо уходят вглубь веков, к животворным истокам народной мудрости...

На Руси – морозы да снега, а здесь все ливни да жара.

Но вернемся к декабрьским предновогодним дням далекого восемьдесят первого года. Луанда... Стоим у одного из причалов в глубине красивой, обширной бухты. Корабли наши ошвартованы рядом с военными кораблями ангольского ВМФ.

Во флагманском салоне на «Гремящем» собрал командиров кораблей с их заместителями и офицеров походного штаба. Прошу, чтобы командиры сообщили, что из необходимой новогодней атрибутики есть на кораблях, т. е. искусственные елочки, игрушки, одеяния или хотя бы материал для костюмов Дедов Морозов. Все с готовностью и неподдельной заинтересованностью доложили о своих возможностях и с неменьшим вниманием выслушали своих соплавателей.

Оказалось, что ресурсы наши немалые. И таким огромным желанием было дать по-настоящему почувствовать своим экипажам, что новогодние традиции, известные всем еще с детства, могут быть оживлены и на кораблях в Африке. Более того, здесь их уместность и необходимость во сто крат сильнее. Сама душа тянулась к дорогим воспоминаниям о покрытых снегом избах сел, станиц и деревень или о заснеженных улицах малых и больших городов, об украшенных елках и подарках под ними, о Дедах Морозах и Снегурочках.

Закрывали глаза и видели снег, метели, сугробы. Открывали глаза – светит яркое, жаркое солнце, а на берегу – ослепительная

зелень пальм: мы – в южном полушарии, где в самом разгаре бушевало лето.

О, никакими словами не передать жажду по дому, родному очагу, тоску по Родине и любовь к ней!

Евгений Петрович Пузырный, выслушав сообщения командиров и их заместителей, как они могут и что они могут в новогоднюю ночь, изложил, не торопясь и основательно, как он умел это делать, предложения об организации праздника: как обойти с поздравлениями корабли, побывать на боевых постах, где несется вахта, спуститься в кубрики и там вместе с матросами посидеть у новогодних столов с соками и сладостями. Замечу, только-только подошел наш зафрахтованный военно-морским флотом БМРТ «Иван Чигрин» с Канарских островов с большой партией йогурта, соков, фруктов... В кубриках поговорить, рассказать, послушать. А чтобы было весело и интересно, подготовить короткие сценки с Дедом Морозом, почитать стихи, спеть песни, иметь в запасе побольше загадок, пословиц и поговорок.

Мой боевой заместитель Николай Николаевич Карманов вслед за Евгением Васильевичем дал указания по усилению вахты и дежурств, наблюдения и связи.

Завершая «круглый стол», я проинформировал командиров о своем визите к Послу и военному атташе. Обстановка продолжает обостряться. В порту Моссамедиш на юге прямо у причала подорваны, предположительно на минах, выставленных подводными юаровскими диверсантами, два наших рыболовных траулера. Поэтому особо остановился на систематическом осмотре подводной части корпусов кораблей корабельными легководолазами и профилактическом гранатометании. В Луанде по ночам усиливается перестрелка. Возможно, Посол обратится к нам с просьбой усилить охрану посольства, как это было в августе. Тогда мы подготовили для этой цели несколько морских пехотинцев из состава усиленной роты морской пехоты с СКР «Ревностный».

Расставаясь с командным составом кораблей, всем существом своим чувствовал, что не подведут, выложатся – и Новый год достойно встретят, и бдительности при этом не утратят.

Так и получилось.

С Новым Годом, с новым Счастьем!

Ночью обошли с Евгением Васильевичем все корабли, поздравили экипажи, в отдельных кубриках задерживались подольше, втягивались в интересные разговоры.

Увлек нас забавный неторопливый рассказ одного из старшин на «Гремящем». Когда мы спустились в кубрик артиллерийской боевой части вместе с командиром корабля Владимиром Григорьевичем Доброскоченко (ныне он уже вице-адмирал), старшина лишь начинал свой рассказ.

– Стал мне друг мой, он уже отслужил свое и в деревню нашу вернулся, так вот, стал он писать, что, мол, моя-то Аннушка встречается с парнями. До того это меня перевернуло всего, что однажды командиру открылся и всю печаль свою – тоску выложил. Он выслушал меня, да и говорит, служи, мол, так, чтобы я тебе перед Новым годом краткосрочный отпуск объявил. Меня это, понятно, окрылило, и служба как-то легче пошла. Ну, словом, отпуск я получил и поехал к себе. А домой и Аннушке ничего не сообщил, решил новогодний сюрприз преподнести. Приехал в нашу деревушку и не домой пошел, а прямо стопы свои к ее избушке направил.

Перед тем, как постучаться, пошел сначала в сарай, что во дворе стоял. Вошел, снял с гвоздя тулуп какой-то, надел и по протоптанной в снегу дорожке к дому направился. Огни светились только в окне кухни. Подхожу, заглядываю. Пелагея Семеновна, это мать ее, у печи возится, а Аня в сторонке, тоже в фартуке сидит что-то чистит. А потом нет-нет оторвется от работы, задумается, а взгляд тоскливый-тоскливый, грустный-грустный.

Я ухом-то прильнул к окну.

– Что, девонька, пригорюнилась? – спрашивает Пелагея Семеновна.

А та молчит, только слезы, уже не слезинки, а ручьем полились. Сначала рукавом прикрывалась, а потом как вздохнет тяжело, да как повернется – и бегом в свою горенку.

Тут решился я, стучусь, вхожу. Шапку, которую тоже заменил, надобно бы снять, а я ее поглубже на глаза натягиваю, чтобы не узнали. Не ожидая вопроса, говорю, что из геологов, что неподалеку работают, зашел обогреться.

– Что-то невесело у вас, – говорю.

– Да милый-то ее, олух царя небесного, прости меня господи, писал часто, служит он на флоте, однажды даже написал, что непременно приедет к Новому году. А потом вдруг ни писем, ни его самого, как в воду канул. Она, Анка моя, конечно, сразу на плохое подумала, мол, нашел другую. Может и так. Но я ей говорю, может в море ушел да надолго. Она мне говорит, что и сама этим его молчание объясняет. Месяц проходит, другой – нет вестей. Все равно, говорит, тоска какая-то берет. Не так тут что-то. Не похоже это на Василия. А ей отвечаю: «Жди, Анечка, жди. Васюту знаю с малолетства, он – правильный». А про себя тоже разное думаю. Вдруг, думаю... Ну да ладно, мил человек, разболталась я. Раздевайтесь, я вас пирогами угощать буду.

Друзья, вы хоть представляете, что я за эти минуты перечувствовал. «Ну, Пашка, попадись теперь мне, разделаю я тебя за твое вранье», – думаю. И такая на меня, братцы, нежность нахлынула, что не выдержал, сбросил тулуп да, как в той сказке про Ивана-царевича, предстал пред ясны очи Пелагеи Семеновны. Смотрит она на меня, смотрит, да как охнет: «Васютка!»

Перепуганная Аннушка вбегает, видит нас, обнимающихся, понять ничего не может, потому, как я к ней спиной стоял. А как обернулся, она обомлела, побледнела, глазам своим не верит, рукой, как при наваждении, отмахивается, будто сон ей снится,

да как потом бросится ко мне на грудь: «Васенька! Родненький, как же я ждала! Правда ли все это? Не наваждение ли?»

– Правда, Аннушка, голубушка ты моя!

А Пелагея Семеновна отошла от нас, смотрит, не налюбуется. Вот оно как бывает. А что до друга моего, Пашки, так он сам влюбился в нее, стал вокруг нее व्यюном ходить, а передо мной ее оболгал в письмах. Эх, ну и зол же я на него был, а после, поверите ли, махнул рукой на него. Он обходить меня стал, боялся, видно, да и стыд-то не совсем потерял. В те дни свадьбу было задумали, но Пелагея Семеновна строго сказала мне, вернешься со службы, тогда и женись. Да и служба, мол, теперь у тебя лучше пойдет, коли такое солнышко впереди светит. Согласились мы с ней. Весной служба моя заканчивается, а счастье наше только начинается...

Наслушались мы в ту ночь с Евгением Васильевичем и командирами столько, сколько, наверное, за все плавание услышать не довелось.

На иных кораблях в кубриках и столовых команд танцевали даже: тут тебе коленца русской плясовой откалывают, там лезгинку с кавказским темпераментом танцуют, в другом кубрике гопака наяривают, а затем, встав в круг и взяв друг друга за плечи, молдавский танец начинают, сначала медленно, а потом все быстрее, быстрее, и вот закружились, притопывая да подпевая в такт.

Открылись перед нами сердца моряков наших, все светлое, доброе, выстраданное наружу выплеснулось, и эти теплые волны человеческого общения вселили в нас уверенность, что год, наступивший, поистине станет счастливым.

Эпилог

Так оно и случилось, когда мы в марте 1982 года все живыми и здоровыми вернулись в любимое наше Отечество.

*Вице-адмирал В. Литвинов,
январь 2007 год, г. Балтийск*

АНГОЛА

ПЕРВЫЙ ЗАХОД

Подполковник медицинской службы Сорин Михаил Борисович, заслуженный врач РФ, член Союза писателей РФ, почётный житель города Балтийска Калининградской области.

Участник многих дальних походов и боевых служб на кораблях Балтийского флота в южноафриканские страны, в том числе несколько раз в Мозамбик и Анголу. Член союза ветеранов Анголы.

После увольнения в запас продолжил работать судовым врачом на судах вспомогательного флота БФ. В настоящее время заведующий хирургическим отделением в военной поликлинике г. Балтийска.

Сегодня мне позвонил председатель Союза ветеранов Анголы и попросил написать очерк о медиках, участвующих в войне, которой не было. В частности, в Анголе. Я с радостью согласился, тем более, что во всех документальных книгах, изданных об Анголе, врачи ни разу не упоминались, как будто мы там и не присутствовали. Правда, я предупредил, что могу писать только о том времени, когда сам там присутствовал. Итак, первый раз заход в столицу Анголы у меня получился вынужденным.

Это был мой второй поход в Мозамбик. Первый – в 1982 году на гидрографическом судне «Андромеда», куда я был прикомандирован для медицинского обеспечения гидрографической экспедиции. В моей практике это был первый

морской «круиз». Меня сразу «оморячили» по полной схеме, научили бороться с морской болезнью с помощью «шила», кто не знает – спирта на морском диалекте. Позже мне пришлось выучить практически весь морской диалект, после того, как на камбузе заставили проверить качество приготовления «шпигата», т. е. дырки в палубе и многое другое, что описано в моем сборнике морских рассказов с легким названием «Место клизмы изменить нельзя». Научился диагностировать и лечить малярию, и в итоге чуть не погиб, сопровождая члена экипажа с острым холециститом в интернациональный госпиталь, через саванну, за двести миль от нашего места базирования. Район этот был захвачен сепаратистами следом за нашим прибытием. Возвращались под обстрелом, но без потерь. Через 6 месяцев, по возвращению домой, меня повторно отправили в Мозамбик на гидрографическом судне «Визир». В этот раз тоже не обошлось без приключений. Юаровцы захватили советских геологов, которые по заказу мозамбиканцев исследовали залежи титановых руд. Нам было приказано осматривать отдельные острова, где могли содержаться пленные. Останавливать и досматривать проходящие суда под иностранным флагом. Семь месяцев пролетели как один день. Мы начали движение в сторону дома. Обогнули «Мыс Доброй Надежды», и тут заболела наша буфетчица. Не просто заболела. Появились сильные боли за грудиной. На кардиограмме острый инфаркт миокарда. Я доложил о случившемся старшему похода и отправился оказывать неотложную помощь. Наладил капельницу, ввел обезболивающие препараты и стал ждать ответа из Москвы. Ответ пришел незамедлительно, немедленно следовать в Анголу – порт Луанда.

На рейде Луанды мы сообщили в Советское посольство, что на борту имеется тяжелобольная с острым инфарктом миокарда. На связь вышел врач терапевт, который предложил пациентку погрузить на катер и доставить к причалу, где он ее осмотрит и примет решение. Я ему высказал все, что думаю по данному

решению, и предложил прибыть к нам на борт, в противном случае мы будем вынуждены обратиться к консулу.

Местное светило с недовольным видом причалило к нашему борту:

– И кто тут такой грамотный, что ставит грозные диагнозы? – начал он свою вступительную речь, не поздоровавшись ни с командиром судна, ни тем более со мной.

– Майор медицинской службы врач-хирург, Сорин Михаил Борисович, – в ответ представился я. – Пройдемте в медблок, я Вам покажу кардиограмму.

Когда мой оппонент ознакомился с документами и пациенткой, спесь и недовольство спали с его напыщенного лица.

– Коллега, как Вы ее довели до нас? – молвил он ошарашенным голосом. – Вы уж извините за непонимание, я думал тут обыкновенный фельдшер...

– Да ладно, – сменил я гнев на милость, – что будем делать дальше? Я ее до Балтийска не довезу, да и лекарства у меня на исходе. Все-таки семь месяцев в Мозамбике.

– Не волнуйтесь, сейчас я свяжусь с посольством, вас поставят к причалу. Готовьте сопровождающие документы.

Через полчаса соответствующая команда поступила. Мы начали движение в порт.

Нас пришвартовали к большому десантному кораблю «Красная Пресня», который стоял около стенки. Когда нашу бедную буфетчицу на носилках выносили, практически весь экипаж БДК, свободные от вахт, выстроился вдоль борта.

«Эх, мужики! – кто-то громко произнес в строю, – что же вы не уберегли такую женщину!» И все хором горестно вздохнули.

Честно говоря, во время поездки в стационар посольства, куда меня любезно пригласил доктор, я не успел как следует рассмотреть Луанду. Во-первых, дико устал от пережитого, не спал двое суток, а во-вторых, африканские сюжеты были похожи друг на друга. Я убедился, что мою подопечную поместили в отдельную палату на кровать с антималарийным пологом.

После этого мы с доктором выпили за благополучный исход, и меня отвезли на «Везир». Через сутки, попрощавшись с земляками, взяли курс на Балтийск. Когда через три недели мы ошвартовались в нашем родном городе, к моей радости, среди встречающих стояла наша дорогая буфетчица. Она позже рассказала, что из Луанды ее на самолете доставили в Калининград, областную больницу. Она сегодня сбежала, чтобы показать экипажу и, в частности, своему доктору, т. е. мне, что она жива и чтобы мы не волновались.

Второй заход или многомесячье в Анголе

Плавится металл, и небо
Отражает быль и небыль,
И глоточек пива мне бы,
И забыть этот сон.
Хочется упасть в нирвану,
Хочется домой и ванну,
Но туда еще мне рано,
Издаю тяжкий стон.
Луанда, чёрная Луанда,
Сколько дней прошло,
Не стала ты белей.
Луанда, чёрная Луанда,
Как тоскливо здесь,
Хочу домой скорей.

Следующее мое пребывание в Анголе состоялось в 1988 году. Это была боевая служба и не на несколько дней, а на много месяцев. Здесь я остановлюсь подробнее.

АНГОЛА. Государство на западе Африки. Площадь – 1246 км². Население около 7 миллионов человек. Официальный язык – португальский. Столица – Луанда. Климат – экваториаль-

но-муссонный. Растительность – тропические сухие редколесья, саванны, на крайнем юге – пустыня.

Эта сухая характеристика Анголы из энциклопедического словаря. А мы тут стоим третий месяц, и все эти характеристики нам до лампочки, т. к. все это видим воочию и даже больше. Мы – это четыре боевые единицы советских кораблей. В стране идет гражданская война, и им необходимо наше присутствие. Кому им, тоже непонятно. Кто с кем дружит? Я до сих пор не разобрался. Кругом свирепствует малярия и тропическая лихорадка, достает амебиаз. Выпил воды из-под крана, и пожалуйста: амебная дизентерия. Поэтому пьем воду только кипяченую. Два-три раза в неделю, по ночам, видимо для проверки нашей бдительности, нас обстреливают трассирующими пулями, а мы, для профилактики, с наступлением сумерек каждые тридцать минут бросаем гранаты за борт. Еще ни один подводный диверсант не всплыл. За день палуба на корабле раскаляется так, что прожигает подошву наших тропических тапочек насквозь. Поэтому все передвигаются скачками, как кенгуру. В обеденный перерыв экипаж, свободный от вахт, по очереди водят купаться на залив от Атлантического океана. Ходим в сопровождении отделения автоматчиков. Но, несмотря на все это, мы не унываем. Мы – это «Корабельная группа специализированной медицинской помощи Балтийского Флота в составе: хирурга Яши Джалашева, стоматолога, он же анестезиолог, – Саши Чугунова, меня, Сорина Михаила, командира этой группы, и врача корабля – Володи Козинцева. Еще с нами находится врач Бригады Северного Флота Андрей Юрченко. На остальных кораблях фельдшера. К сожалению, я не запомнил их имена и фамилии, а зря. Еще для материального обеспечения наших кораблей и военных советников с семьями, которые жили в коттеджном поселке, находился Пункт материального обеспечения (ПМТО). Там тоже был свой врач – Анатолий Ткаченко. Так что, медицинское обеспечение находилось на высоте. Все врачи – офицеры.

Учитывая тяжелую эпидемиологическую обстановку, приходится обходиться своими силами. Лаборатория только в поликлинике Российского посольства, а туда нужно ехать через весь город, где можно запросто нарваться на обстрел. Мой напарник – хирург Яша Джалашев, владеет элементами лабораторной диагностики. Элементы – это анализ крови на лейкоциты, «толстую каплю» на малярийный плазмодий, мочу на глаз и кал под микроскопом на наличие простейших, т. е. нет ли там амебиаза. Вот на эту тему и последует мой рассказ.

Аппендицит

В этот день я медленно плавился от жары, присутствие которой не спасал даже наш корабельный кондиционер. Правда, так назвать это приспособление кондиционером было просто невозможно. Точнее, холод машина, которая гоняла холод по каютам. Но африканская жара пролазила в любые щели и тем более в неплотно закрученные барашки иллюминаторов. А они от времени плотно и не задраивались. В каюту постукали.

– Да,- отозвался я, – входите! Дверь открылась. Вошел дежурный по кораблю.

– Товарищ подполковник, Вас срочно вызывают на соседний корабль. Там больной с подозрением на аппендицит!

– Бегу! Расслабленность и дрема мгновенно оставили мой организм. Хирург, как гончая собака на охоте, мгновенно включается в работу. Быстро надеваю «тропичку» – это наша форма одежды в Африке, выхожу из каюты, прохожу по коридору и осторожно выхожу на палубу, где меня радостно ожидает палящее солнце. Пролетаю по раскаленной палубе и спускаюсь по трапу на стенку. Пять минут перехода, и вот я уже на Большом десантном корабле, где меня встречает дежурный офицер:

– Здравия желаю, доктор! Вас ожидают в медблоке.

– Я в курсе.

Вентилятор, нутужно работая лопастями, всеми силами пытался разогнать душный африканский воздух. В небольшом помещении медицинского блока на кушетке лежал матрос срочной службы. Липкий пот покрывал его бледное лицо. Рядом суеился корабельный фельдшер.

– Здравствуй, как тебя зовут и что тебя беспокоит? – обратился я к больному.

– Василек, – и добавил, – так мама называет. А болит у меня живот, вот тут, справа, тошнит и очень пить хочется, а наш медик пить не дает.

– И правильно делает. Ты сколько дней болеешь?

– Вторые сутки, – и предугадывая мой следующий вопрос, добавил, – а за помощью я обратился только сегодня.

Фельдшер облегченно вздохнул.

– Понятно, а скажи мне, пожалуйста, ты воду пьешь кипяченую или из-под крана? – Конечно, кипяченую, нам ее во фляжку наливают. Из нее и пью.

– Прекрасно, а теперь покажи мне свой язык и расстегни «тропичку».

Язык был сухой и густо обложен серым налетом. Правая половина живота четко отставала в акте дыхания от левой. При пальпации классическая картина острого живота.

– Василек, у тебя острый аппендицит, нужно операцию делать.

– Если нужно, делайте. Я все понимаю и своим врачам доверяю!

– Вот и молодец! – и уже фельдшеру, – пригласите доктора Джалашева Якова Христофоровича, пусть он возьмет анализ крови на лейкоциты и свертываемость, а больного переведите на флагманский корабль, у нас операционная больше и «кондиционер» работает.

– До встречи, Василек, встретимся в операционной.

Дав команду развернуть операционную, пошел на доклад к командиру отряда.

– С кем будете оперировать? – задал вопрос командир, выслушав мой доклад.

– Нас трое. Мы с доктором Козинцевым оперируем, доктор Джалашев на наркозе, фельдшер – операционный медбрат.

Операция, как теперь модно говорить, прошла в штатном режиме. Флегмонозно – измененный червеобразный отросток в классическом варианте, т. е. студенческий вариант «выпрыгнул» в рану и был без осложнений удален. Рану ушили наглухо. И с чувством выполненного долга отправились ужинать. По отряду кораблей объявили о нашем «подвиге». Можно расслабиться и отдохнуть. Но не тут-то было...

На следующий день у больного начала резко подниматься температура тела. Живот не болел, а температура росла. И к исходу дня достигла 40 градусов. Живот при пальпации мягкий. По-

слеоперационная рана без признаков воспаления. Перистальтика активная. Начали отходить газы. Лейкоциты в анализах крови не нарастают. Проводим внутривенную дезинтоксикационную

терапию. Вводим до двух литров растворов. Результат – ноль! Температурная кривая, как при малярии, – пляшет. Толстая капля на малярийный плазмодий – все чисто. На третьи сутки принимаем решение, покормить больного куриным бульоном.

– Как ты, Василек? – спросил я, заходя в очередной раз в лазарет.

– Нормально, только хочется пить и кушать.

– Сейчас дадим немного куриного бульона, только кушай маленькими порциями, не проглоти все сразу.

– Хорошо, – соглашается Василек, – я ведь поправлюсь?

– Конечно, обнадеживающе вру я, т. к. не знаю, чего ожидать дальше.

Несмотря на мои предупреждения, бульон был проглочен мгновенно. Через два часа ко мне в каюту примчался фельдшер:

– Михаил Борисович, у больного начался понос!

– Понос? – меня озарила внезапная догадка, – зови докторов Джалашева и Козинцева.

Через десять минут я коллегам высказал свое предположение: «Думаю, у больного амебиаз! Яков Христофорович, возьми анализ кала под микроскоп».

– Понял, бегу исполнять!

– А мы, с Владимиром Ивановичем подумаем, как лечить новую напасть, если диагноз подтвердится.

Все инструкции и наставления по профилактике и лечению тропических болезней были немедленно извлечены на свет божий. Не успев просмотреть и половины литературы, как прибежал наш коллега.

– Так и есть, амебиаз! Цисты так и прыгают под микроскопом.

– Ну, слава Богу! Хотя, дорогие коллеги, нужно срочно начинать специфическое лечение. А у нас, кроме делагила в растворе, ничего нет, – начал я вещать с облегчением, – давайте обратимся к первоисточникам по поводу амебиаза, лечения и возможных осложнений. И вот, что нам удалось раскопать.

Аппендицит при амебиазе развивается вследствие распространения на червеобразный отросток из слепой кишки либо типичного амебно-язвенного поражения, либо только сопутствующего воспалительного процесса. Истинный амебный аппендицит среди всех аппендицитов имеет небольшой удельный вес. При амебиазе частота аппендицита, по наблюдениям отдельных авторов, различна и варьирует в пределах 1–6 %. В связи с преимущественной локализацией амебных язв в области слепой кишки всегда имеется реальная угроза распространения их и на червеобразный отросток. Помнить об этом, особенно в эндемических очагах амебиаза, необходимо.

Патоморфологически для амебного аппендицита характерно наличие типичного язвенного поражения слизистой оболочки. Однако, из-за раннего присоединения бактериальной инфекции и бурного развития деструктивного процесса картина язвенного поражения аппендикса быстро затушевывается. Летальность при остром амебном аппендиците без специфической терапии составляет 80–90 %. Основными причинами смерти являются прогрессирование амебиаза кишечника после операции и его осложнения. Клиническая картина амебного воспаления червеобразного отростка в целом сходна с симптоматикой обычного острого аппендицита. Выраженность локальных симптомов зависит от степени вторичной бактериальной инфекции амебных язв отростка и патоморфологических изменений. Отличительной чертой данного заболевания является то, что симптомы острого аппендицита возникают на фоне признаков кишечного или печеночного амебиаза – болей типа кишечных колик, жидкого стула со слизью или кровью, увеличения и болезненности печени, вздутия живота, урчания в кишечнике и т. д. В ряде случаев отмечается нехарактерная для обычного аппендицита высокая температура с кривой неправильного типа. То, что как раз и было в нашем случае. Амебный аппендицит отличается длительным и чрезвычайно тяжелым течением и часто осложняется возникновением неза-

живающего кишечного свища, тяжелого общего перитонита. Для своевременного распознавания заболевания, прежде всего необходимо, чтобы хирург помнил о возможности указанной этиологии аппендицита, особенно при его работе в странах с жарким климатом. Мы это как раз и помнили, но, как оказалось, не точно. Теперь все стало на свои места, хотя об осложнениях не стоило забывать.

– Итак, предлагаю следующую схему лечения: физраствор 0.9 % – 500.0, раствор делагила 0,5 мл, плюс витамины, внутривенно через 6 часов первые сутки, последующие три дня через 12 часов. С завтрашнего дня нулевой стол, наблюдение за стулом с обязательным лабораторным исследованием.

Через сутки состояние больного стабилизировалось. Температура нормализовалась.

Швы сняты на седьмые сутки. Живление раны первичным натяжением. Стул нормализовался у больного и всей хирургической бригады через три дня с момента специфического лечения.

С Васильком у меня состоялся предметный разговор после его полного выздоровления:

- А теперь, друг любезный, расскажи мне всю правду, когда ты попил водицу из «копытца»?
- Какого «копытца»? – оторопел от вопроса Василек.
- Классику нужно читать, русские народные сказки. В частности, про «Аленушку и братца Иванушку».
- Если честно, то я такую сказку не помню.

Пришлось напомнить. После чего он сознался, что, увидев, как местные «аборигены» пьют воду из крана, решил, что мы

личный состав корабля обманываем. И ничего страшного в этом нет. Теперь, конечно, пережив эту операцию, до конца службы будет пить воду и чистить зубы только из фляжки.

Ему я, конечно, поверил, но приказал своим подчиненным провести занятия на всех кораблях отряда о профилактике тропических заболеваний.

Вот и вся история. До конца боевой службы оставалось еще много месяцев. Были у нас больные и с малярией, и с тропической лихорадкой, но случаев амебиаза, к счастью, больше не было.

Не стрелять!

Здесь комары «Анофелес» кусают,
Затем трясет, как-будто с бодуна.
И от холеры люди погибают,
Зато к прогрессу движется страна.

Единственное лечебное учреждение в Луанде, куда мы обращались за помощью, была поликлиника нашего посольства в Анголе. Там была своя клиническая лаборатория, без которой невозможно было бороться, точнее будет сказать, правильно лечить малярию и тропическую лихорадку. Клинические проявления у этих заболеваний были очень схожими, а вот лечение совершенно разное. Плюс там были врачи и медицинские сестры – женщины, а вот этого нам как раз очень недоставало, хотя бы в общении, но сейчас речь не о том.

Мы с Андреем сопровождали больных в нашем санитарном «уазике». Последний месяц было относительно тихо, и охрану мы с собой не взяли. Дорога пролежала вдоль океанского побережья. Обочины были завалены разным мусором, убирать который, видимо, никто не собирался. Плюс в воздухе носился смрад от гниющей рыбы, которой торговали местные рыбаки.

Вообще морепродукты здесь были основным источником питания, и это чувствовалось всюду. В день нашего прибытия представители консульства предупредили, что купаться стало опасно, т. к. вдоль побережья появилась белая акула-людоед и уже много случаев нападения на человека. Мы почти месяц парились на корабле, боясь попасть на обед этой твари. Потом страсти улеглись, нам сообщили, что акула поймана. Радости нашей не было предела, и вот нас под охраной привели на пляж. В это время к берегу подошла группа рыбаков на своих утлых лодчонках, чуть ли не на пирогах, и стала выгружать улов. Подойдя ближе, к своему ужасу, увидели, что он почти на сто процентов состоял из акул. Какая из них была «белая», не знаю! На мой взгляд, они все были серого оттенка, но то, что каждая из них могла стать людоедкой, это точно. Громадные пасти с зубами в несколько рядов на радость, наверное, только стоматологам. А у одной из представительниц голова была похожа на громадный молот, только с глазами по обе стороны. Как оказалось – это и была рыба-молот. Африканцы, видя наш неподдельный ужас, стали объяснять, что эти твари совершенно неопасны, а ловят их только из кулинарных соображений. Один из них в подтверждение своих слов даже попытался засунуть свой палец в пасть на вид совершенно дохлой акуле и чуть было не поплатился им, т. к. она неожиданно ожила и щелкнула зубами, тот проворно выдернул руку под одобрительные возгласы своих собратьев. Нас этот пример совершенно не воодушевил, и купались мы потом с большой осторожностью и только у берега, где вода была не выше колена.

И так мы ехали по улицам Луанды, как вдруг нам наперерез выскочил человек в пятнистой форме, размахивающий автоматом. Он что-то кричал на своем языке, но нам, честно говоря, это было все равно, что на марсианском, мы не могли понять ни слова. «Гони! – закричал старший машины, – это «унитовец», он может открыть по нам огонь». Водитель нажал

на газ, и тут чернокожий военный вскинул автомат и дал очередь по колесам нашей машины. Санитарная машина пошла юзом и затормозила. Андрей, который в этот день исполнял обязанности старшего машины, неожиданно для всех выскочил наружу и стал кричать почему-то на немецком языке: «night schiesen! Не стрелять!» Негр почему-то понял и опустил автомат: «amigo, wot taim o'clock?» – спросил он у Андрея на английском языке. Мы все замерли в ожидании дальнейших действий. «Сколько времени?» «Половина второго», – ответил Андрей уже на чисто русском языке и показал на циферблат. «Унитовец» внимательно посмотрел на его часы, а потом на нас и неожиданно сказал:» O key. No problem», – и пошел прочь вихляющей походкой победителя. А мы еще несколько минут стояли на месте, ожидая пока наш водитель сменит пробитое пулей колесо и, честно говоря, совершенно не понимая, были ли это хулиганский поступок, или просто демонстрация силы в стране, где мы так тщетно старались построить социализм, но уже знали, что у нас началась «перестройка».

Улиц древних тень мелькает,
Пыльный силуэт их тает.
Прошлых лет краса вызывает
Дать ответ – силы нет.
Я мечтаю лишь о малом,
Только бы уйти с причала,
Чтобы море вновь качало,
Южный Крест на зюйд-вест.

РЫБОЛОВНЫЙ ФЛОТ В АНГОЛЕ

Александр Алексеевич Череватый, капитан дальнего плавания, вся жизнь которого связана с флотом. В настоящее время – старший лоцман ФГУП «Росморпорт» в Калининграде, член Союза ветеранов Анголы.

В середине восьмидесятых годов наш рыболовный флот начал активное освоение Южной части Атлантического океана. В первую очередь это было связано с необходимостью оказания интернациональной помощи молодой африканской независимой республике Анголе. Наши суда занимались добычей и переработкой рыбных запасов Атлантики и решали продовольственную проблему Анголы. Весь рыболовный флот этой страны состоял из старых, не сказать – древних! – судёнышек сомнительной мореходности и почти первобытными орудиями лова.

Советские суда были достаточно современными и смогли решить задачу восстановления и развития рыбной промышленности страны. Наши рыбаки, в счёт оплаты за право промысла, ежегодно поставляли населению Анголы десятки тысяч тонн рыбопродукции, поэтому была решена задача продовольственной проблемы страны и спасено население от голода. Но в каких условиях это происходило, до сих пор мало кому известно. В стране шла гражданская война, и мы оказались в эпицентре противоборствующих группировок. Это были и ночные стрельбы, и полёты военной авиации над нами, и вооружённые люди, встречающие нас на берегу, не позволяющие нам расслабиться; хотя под охраной наших и кубинских военнослужащих мы чувствовали себя в относительной безопасности.

Я в то время исполнял обязанности третьего помощника капитана большого морозильного траулера БМРТ «Михаил Барсуков»-КБ-0569. Порт приписки – Калининград, принадлежность – Калининградская база тралового флота. Рейс в среднем продолжался пять месяцев, потом смена экипажа. Экипажи летали самолётом из Калининграда в Луанду, где и менялись.

В. В. Кусочкин

Капитан траулера – капитан дальнего плавания Валерий Викторович Кусочкин. В годы Великой Отечественной войны подростком закончил школу юнг в городе Севастополе. С 1944 года, попав на Черноморский флот, воевал стрелком-зенитчиком на торпедном катере. Сбил немало вражеских самолётов. Был награждён Орденом Великой Отечественной войны первой степени, медалью «За оборону Севастополя» и другими орденами и медалями. После войны навсегда связал свою жизнь с морем. На память о службе осталась татуировка во всю грудь в виде торпедного катера. Он всегда любил море и был настоящим моряком и примером для всех нас, молодых моряков, заслуженно пользовался непререкаемым авторитетом и уважением.

Весной 1984 года после промысла мы с грузом мороженой продукции зашли в порт Лобиту для выгрузки. Сразу обратили внимание на то, что обстановка в порту была напряженная. Над побережьем постоянно летали патрульные вертолёты, сход на берег членам экипажа был запрещён, на берегу везде были вооружённые ангольцы. Мы начали выгрузку. Старались как никогда, чтобы быстрее уйти обратно в безопасное море. Неожиданно к борту подъехала консульская машина СССР. Мы спустили парадный трап и на борт поднялся консул в сопровождении нескольких военных. Я проводил прибывших в каюту капита-

на и поднялся на ходовой мостик. Через несколько минут на мостик поднялся капитан вместе с военными. Валерий Викторович подошёл к пульту трансляции и включил все линии:

— Внимание членам экипажа! В районе побережья порта Нгунза Каболу в засаду попала группа кубинских и ангольских военных. Кроме нас, никого рядом нет. Ставлю задачу экипажу: выгрузку производить в две смены, закончить через четыре часа. По окончании выгрузки идём на выручку кубинцам.

— Вот как-то так, штурман, — обратился капитан уже ко мне.

— Приготовьте карты, прокладку и возможное место подхода к берегу на максимально близкое расстояние.

Я достал карту побережья и расстелил её на столе. Капитан подошёл к ней и долго внимательно смотрел, как будто хотел увидеть что-то большее, чем могли показать условные знаки.

Тем временем выгрузка шла с удвоенной силой. Моряки работали быстро и споро, обсуждая между собой возможные варианты будущей спасательной операции. Средний возраст экипажа всего-то 22–25 лет и ожидаемое приключение внесло определённое разнообразие в нашу рутинную работу. К вечеру выгрузка была закончена, и мы, погрузив на борт ящики с боезапасом, взяв пятерых сопровождающих груз кубинцев для связи с попавшими в засаду камадами, начали движение полным ходом на север в Нгунза Каболу.

С рассветом мы подошли к побережью. Причала как такового не было — была просто площадка на сваях, стоящая на море. Мы встали на якорь, и, пока спускали оба рабочих катера, нам удалось выйти на связь с попавшими в окружение кубинцами. Увидев катера, подходившие к причалу, с берега потянулись вооружённые люди, которых стали перевозить на

борт. Это было смешанное ангольско-кубинское соединение. Все – в одинаковой форме, но кубинцы отличались большим ростом и улыбкой во весь рот, ангольцы, все сдержанно-испуганные, держались сначала особняком, но потом пришли в себя и тоже заулыбались.

Как только первая партия прибыла на борт сразу возникло ощущение, что мы находимся в центре Гаваны. Испанская речь звучала не останавливаясь, как щебет птиц при восходе солнца. Кубинцев обнимали, хлопали по плечам и делились последней тельняшкой, которую они сразу же надевали на себя. В ответ они предлагали на память автоматы, большей части не советского производства, хотя они и назывались АК, патроны и прочие атрибуты войны. Через три часа на борт взяли всех вышедших из окружения: всего около двухсот человек, все с оружием, даже с переносными гранатомётами и переносными ЗРК.

Основная нагрузка на обратной дороге легла на камбуз! Накормить ещё двести голодных бойцов – это вам не шутка! Растроганные такой встречей кубинцы и ангольцы готовы были в благодарность отдать последнее! Притащили на камбуз кучу консервов, голландскую тушёнку-ветчину, сгущёнку. Сразу скажу – наша была гораздо лучше и вкуснее!

К вечеру вернулись в Лобиту, где нас ждали представители кубинского командования, наши военные советники, и распрощались с новыми друзьями. Отряд сошёл на берег и пошёл дальше исполнять свой интернациональный воинский долг по защите независимости Анголы. Мы же с утра пошли на промысел выполнять свой долг по оказанию своей помощи этой молодой африканской республике. Больше мы никогда с ними не встречались.

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ «СИЛЬНОГО»

С. С. Родионов,
капитан третьего ранга
командир корабля

Сторожевой корабль пр.1135 «Сильный» был построен на прибалтийском судостроительном заводе «Янтарь» (заказ С-154) в 1972 году.

В апреле 1973 года на корабле был поднят военно-морской флаг, и он вошел в боевой состав Военно-Морского Флота.

За время нахождения в боевом строю флота СКР «Сильный» совершил более десяти дальних походов для выполнения боевых задач в районах средней и северной части Атлантического

Сторожевой корабль «Сильный» в море.

океана, Средиземном, Северном, Норвежском и Баренцевом морях, в районе Кубы. В ходе плавания «Сильный» совершал неоднократные официальные визиты и деловые заходы в порты иностранных государств, где с честью демонстрировал свою мощь, военно-морской флаг, фацию классических обводов корабля пр.1135. За всё время визитов несколько тысяч иностранцев в ходе организованных посещений побывали на палубе корабля, выражая свое восхищение оружием, содержанием корабля и гостеприимством его экипажа.

Хотелось бы остановиться на последних походах этого корабля, на его славных боевых и морских традициях.

В период с мая по ноябрь месяцы 1988 года «Сильный» нес боевую службу в средней части Атлантического океана и Народной Республике Ангола. При этом корабль осуществил длительный заход в порт Луанда – столицу Анголы и деловой заход в порт Прая – столицу республики Кабо-Верде, расположенной на Островах Зелёного Мыса.

Дружный экипаж корабля в этом походе возглавляли: командир корабля – капитан третьего ранга С. С. Родионов, старший помощник командира – капитан-лейтенант Ю. В. Маслов, заместитель командира корабля по политической части – старший лейтенант С. И. Бирюков. «Сильный» вышел в поход из Балтийска тёплым майским утром. Ясная и безветренная погода способствовала выходу в море и придавала особую торжественность момента для каждого моряка экипажа.

На рейде была сформирована походная группа кораблей Балтийского флота. В кильватер «Сильному» ловко пристроились большой десантный корабль бдк-105 и морской тральщик «Связист».

«Сильному» и бдк-105 предстояло вместе решать поставленную командованием флота задачу в Анголе.

Морскому тральщику «Связисту» предстояло охранять наши гражданские суда в районе рыбного промысла у побережья Марокко.

Старшим на переход группы кораблей был назначен капитан третьего ранга С. С. Родионов. Начальником штаба бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей – капитан второго ранга Валерий Руфьевич Головунин – опытный моряк, долгие годы командовавший СКР «Свирепый».

Переход кораблей осуществлялся в плановом порядке. При проходе Балтийской проливной зоны в наиболее узкой части пролива Большой Бельт, корабли подверглись «мирной акции» участников движения «Гринпис». Впрочем, мирной эту акцию назвать можно было только с большими допущениями. В стесненных мелководьем, отмелями и интенсивным движением судов проливе четыре участника этой акции на трёх скоростных катерах, нарушая все каноны международного морского права, опасно маневрировали под форштевнем «Сильного», сбрасывали под винты куски толстого капронового троса, пытались зацепиться за корму и борт корабля. Отпугнуть назойливых и непрошенных гостей удалось, когда «Сильный» резко увеличил ход и мощным буруном за кормой и расходящимися волнами быстро остудил их пыл.

После прохода пролива Ла-Манш Бискайский залив и Атлантика встретили корабли крупной и неприветливой волной. Следует отметить, что тральщик «Связист», имея ограниченный моторесурс главного двигателя, большую часть перехода осуществлял, уютно пристроившись на буксире у своего мощного собрата – «Сильного». А буксировка на большой волне требует не только хорошей выучки экипажа, но и умелого управления кораблями. В этих условиях было найдено успешное решение вопроса безопасной буксировки. Вспомнив хорошо забытое старое, применили прием буксировки «Связиста» за якорь, потом за расклепанную якорь-цепь. Так довели морской тральщик до района побережья Марокко. Пожелав экипажу «Связиста» счастливого плавания, «Сильный» и бдк-105 продолжили переход.

Памятной датой для всего экипажа корабля стал праздник Нептуна при пересечении экватора. Для каждого матроса и офи-

цера этот день остался ярким и памятным событием в жизни. До сих пор моряки хранят в своих альбомах фотографии театрализованного представления ритуала входа в южное полушарие.

В ходе перехода с каждым днем шлифовалась морская выучка каждого члена экипажа. Несение вахт, индивидуальные задания вахтенным офицерам на каждую вахту, отработка боевых расчетов комплексов вооружения, астрономическая практика офицеров стали нормой и неотъемлемой частью каждого дня похода.

Большой подъем испытал экипаж корабля в день захода в столицу Анголы – порт Луанда и встречу с находившейся там плавмастерской Северного флота. Потекли трудные будни выполнения задач, поставленных командованием флота. В течение нескольких месяцев экипаж в условиях знойного и влажного климата нёс боевое дежурство, любовно ухаживал за оружием и механизмами «Сильного», обеспечивал безопасность рыболовных судов своей страны.

Практически каждую ночь в городе раздавалась стрельба. Очереди трассирующих пуль нередко проносились над кораблем. Неоднократно приходилось выполнять боевую стрельбу из реактивных гранатометов по контактам, обнаруженными акустиками на станции обнаружения подводных диверсионных средств.

Незаметно пронеслось время. Поставленные задачи в Анголе были успешно выполнены. «Сильный», попрощавшись с остающимися кораблями и рыболовными судами продолжительным гудком, грациозно вышел в море и взял курс на Острова Зеленого Мыса.

Запланированный деловой заход корабля в столицу республики Кабо-Верде порт Прая был высоко оценен послом нашей страны. Несколько тысяч жителей этого островного государства с удовольствием и интересом посетили корабль Военно-Морского Флота, ошвартованный недалеко от фрегата ВМС США, находившегося в порту. Перед выходом «Сильно-

го» в море был организован прием членов экипажа в советском посольстве.

Возвращение корабля, выполнившего все поставленные задачи, на Родину было успешно обеспечено уже опытным, закаленным в морском походе экипажем. В назначенной точке рандеву «Сильный» взял на буксир тральщик «Связист» и вся группа из трех боевых кораблей осуществила обратный переход.

Балтика встретила корабли ноябрьским штормовым ненастьем. «Сильный» и 105-й переждали шторм на Пуцком рейде у побережья Польши. С окончанием шторма корабли зашли в родной Балтийск. Бодро прозвучал доклад командира корабля начальнику штаба флота: «Задачи боевой службы выполнены. Экипаж здоров, материальная часть исправна. Корабль готов к выполнению задач, поставленных командованием флота!».

Далее, по традиции, командиру корабля был вручен жареный поросенок на подносе, и состоялась незабываемая встреча офицеров и мичманов с родными и близкими, терпеливо ожидавшими их на берегу эти долгие месяцы.

Примечателен в этой связи почти комичный случай. Когда начальник штаба флота разрешил командиру отпустить сходную смену офицеров и мичманов на отдых, а от тех уже быстро и след остыл, начальник управления боевой подготовки флота проронил фразу: «Командир, погода нормализовалась. Я надеюсь, что «Сильный» завтра в шесть часов утра выйдет в море и отстреляет все, что ему запланировано планом боевой подготовки флота». На командира эти слова произвели впечатление, как гром среди ясного неба. Дело в том, что после возвращения из дальнего плавания корабль должен выполнить ряд боевых упражнений с целью проверки его боевой готовности. Но офицеры и мичманы на берегу! Не трудно догадаться, что в семьях моряков их встреча после долгой разлуки – праздник. Про выход в море рано утром еще никто не знает. Не подведут ли?

И побежали оповестители к офицерам и мичманам с не очень радостной вестью: «В 6.00 «Сильный» выходит в море!».

Но опасения командира оказались напрасными. Ровно в шесть часов утра следующего дня «Сильный» вышел в море и уже к полудню с честью выполнил все боевые упражнения. Стреляли, как никогда – изумительно.

Истинная правда – слова бывшего Главнокомандующего ВМФ Адмирала флота Советского Союза С. Г. Горшкова: «Дальние походы – лучшая школа морской выучки!»

На «Сильном» не только служили люди, сильные духом. Само холодное железо, сталь оружия и приборы казались единым с людьми организмом. Бывало всякое: выход из строя механизмов, поломки приборов, ремонт техники и днем и ночью. Но, по воспоминаниям командиров, «Сильный» ни разу не подвел в критическую минуту. И невольно вспоминаются слова писателя Леонида Соболева, который описывал корабль, как «особое существо: и живое, и ласковое, и суровое, и благодарное».

Вспоминается еще один поход «Сильного». Весной 1989 года командиром корабля было принято решение на выполнение поставленной задачи по слежению за линейным кораблем ВМС США «Айова» в ходе учений ОБМС НАТО на Балтийском море. И в начале июня рано утром сигнал выхода на слежение был получен.

«Сильный» вышел из пункта базирования на выполнение поставленной задачи. На следующие сутки ночью СКР «Сильный», соблюдая режим полного радиомолчания, вышел на контакт с линейным кораблем у о. Борнхольм. Отряд боевых кораблей ОБМС НАТО насчитывал восемь боевых кораблей ВМС США, Дании, Нидерландов и ФРГ. Строго соблюдая международные договоренности о безопасности мореплавания, «Сильный» в течение 10-ти дней осуществлял разведку действий сил в ходе учения иностранных кораблей, информировал командование Балтийского флота об их действиях.

Забавно, СКР пр. 1135 смотрелся рядом с линейным кораблем, уступая последнему по своему водоизмещению более, чем в 10 раз. Несмотря на явное численное превосходство, ино-

странные корабли вели себя по отношению к кораблю ВМФ уважительно и корректно, периодически обмениваясь с ним флажными сигналами о своих намерениях.

Задачи, поставленные командованием флота по разведке учений, были выполнены качественно. На прощание «Сильный» и иностранные корабли обменивались сигналами с пожеланием «Счастливого плавания».

В феврале 1990 года «Сильный» ошвартовался у причальной стенки Прибалтийского судостроительного завода «Янтарь» для проведения среднего ремонта с модернизацией. Системы вооружения и механизмы корабля были демонтированы и отправлены для ремонта.

В период ремонта на заводе экипаж отпраздновал 17-ю годовщину со дня подъема на корабле военно-морского флага.

К сожалению, начавшиеся в дальнейшем не только политические изменения, но и экономические трудности в стране привели к тому, что ремонт был прекращен, а причал завода оказался для «Сильного» последним пристанищем.

АНГОЛА- ШТУРМАНСКИЙ ВЗГЛЯД

Капитан 2 ранга запаса Бухалин Игорь Геннадиевич после окончания штурманского факультета ТОВВМУ имени С. О. Макарова проходил службу на кораблях и в соединениях Балтийского Флота. Неоднократный участник боевых служб в Атлантике и в Средиземном море. Руководитель Калининградского представительства РОО «Союз Ветеранов Анголы».

Все дальние походы с выходом на боевую службу начинаются внезапно, но заблаговременно. Для меня это всегда сопровождалось прибытием на борт главного штурмана флота и с последующим заполнением контрольного листа готовности не только штурманской боевой части, но и корабля в целом к переходу в удалённые районы. Так же было и в этот раз. Не успев выйти с завода, где корабль успешно завершил текущий ремонт, экипаж стал готовиться к сдаче курсовых задач и параллельно к выходу в эти самые удалённые районы. Насколько они были удалённые можно было судить по количеству карт книг и прочих навигационных пособий, список которых занимал не одну страницу. Только один перечень возможных портов заходов и мест укрытий с экзотическими трудно произносимыми и порой неприличными, с точки зрения богатого и могучего русского языка, был на двух страницах. Из похода в гидрографическую службу Балтийского флота отделение рулевых в полном составе из трёх человек шло, согнувшись под тяжестью рулонов с картами и с перевязанными стопками лощиями и пособиями. Предстояла долгая кропотливая работа по «подъёму» карт и составлению предварительной прокладки по ожидаемому

маршруту перехода, которую надо было сделать быстро и качественно, что, в общем-то, было знакомо и вполне выполнимо, если бы не многочисленные проверки, внезапные вводные со всех сторон, начиная со старшего помощника командира корабля и заканчивая главным штурманом флота.

Но всё когда-то заканчивается, и в строго назначенный командованием срок, успешно завершив все этапы подготовки, измученные многочисленными проверками, экипаж, впервые за бессонные ночи, широко и свободно вздохнул, а корабль под звуки марша «Прощание Славянки» отдал швартовые концы и вышел навстречу морям и океанам.

Первый этап перехода из Балтийска до района рыбного промысла (в просторечье именуемом РРП) у побережья Западной Сахары пролетел в обычных ходовых буднях, оставив позади напряжённость плавания в Балтийских проливах и Па-де-Кале с Ла-Маншем и ставшие уже привычными облёты дежурной авиацией стран НАТО по маршруту перехода, и маневрирование между снующими туда-сюда и напроочь не соблюдающими правила МППСС рыбаками всех мастей и калибров. В районе РРП планировалась смена командования 30 оперативной бригады ВМФ, пополнение запасов воды и топлива и дальнейший переход к месту несения боевой службы. Подробности должны были сообщить по прибытии на борт штаба бригады. Все подробности открылись при обозначении конечного пункта нашего прибытия – Народная республика Ангола, порт – Луанда и ... снятии с борта и отправки назад прикомандированного ко мне на переход штурмана. Дальнейший путь я должен был обеспечивать один.

Неожиданности и неприятности начались практически сразу с самого начала перехода. Как только температура воды за бортом приблизилась к максимальной температуре воздуха жарким летом на Балтике, то есть стала 20–25 градусов, а температура наружного воздуха неприлично задралась выше 30 градусов, корабельная установка кондиционирования и подачи холода

к работающим механизмам объявила забастовку, а попросту говоря, перестала работать! В результате начался массовый перегрев аппаратуры, и в ход пошли самодельные приспособления для обеспечения хоть какой-нибудь охлаждающей вентиляции. Но, к сожалению, не обошлось без потерь, и самой неприятной потерей был выход из строя комплекта судовой спутниковой навигации. Дальнейший путь до обозначенного порта Луанда корабль пришлось вести по счислению с максимальным использованием самого надёжного прибора всех великих мореплавателей – секстана обыкновенного штурманского. Надо ли говорить, что до своего личного секстана я не допускал никого и сам его облизывал и выверял до последней секунды. Скорость определения места астрономическим способом с приближением к Африке улучшила утверждённый главным штурманом ВМФ норматив в несколько раз. Звёздное небо стало открытой книгой, и звёзды, с трудно запоминаемыми с первого раза названиями, уже весело подмигивали на утренних и вечерних сумерках. Результат превысил все мои ожидания: невязка при подходе к бухте Лагошташ, когда удалось зацепиться радаром за берег, составила всего около двух кабельтовых, то есть менее 500 метров. Итогом перехода стал грохот якорь-цепей, как праздничный туш оркестра, и, элегантно развернувшись кормой к берегу с отдачей двух якорей, мы ошвартовались у причала военно-морской базы Луанда. Впервые за последний месяц можно было лечь в каюте и выспаться от души!

Сама по себе бухта Лагошташ с расположенной на её берегу столицей Анголы, одновременно главным морским портом и военно-морской базой, представляла собой очень живописное место с чистой и прозрачной водой изумительного изумрудного цвета и стаями рыб, наблюдаемыми невооружённым глазом независимо от глубины. История возникновения порта Луанда, будущей столицы Анголы, связана с именем португальского конкистадора Диаш ди Новаша, который в 1575 году близ устья реки Кванго основал крепость Сан-Мигель. Строительство фор-

та дало толчок к разрастанию вокруг него городских сооружений и появлению города Сан-Паулу-ди-Луанды. К концу XVI века город стал главной военной базой португальских завоевателей. Период с XVIII по XIX века считается одной из самых печальных вех в его истории, так как основным промыслом колонизаторов была работорговля, а сам город считался крупнейшим центом работорговли на юге Африканского континента. Ожесточенная борьба местного населения с колонизаторами велась на протяжении многих веков. Однако наиболее значимые и результативные выступления против существующего в то время строя начались только в XX веке. Наиболее значительные вооружённые столкновения с войсками правительства были в 1928-м и в 1961-м годах XX века. К своей независимости Ангола пришла в 1975-м году, тогда же изменилось и название города, который стал называться Луандой. Но при этом мирная жизнь только начиналась, так как гражданская война за лакомый кусочек африканского континента с богатейшими запасами нефти, алмазов и прочих полезных ископаемых продолжалась до конца столетия. Две противоборствующие группировки –МПЛА, партия труда поддерживающая просоветское развитие страны, и УНИТА, возглавляемая бывшим соратником действующего президента страны Эдуардо Душ Сантуш, а ныне его ярого врага Жоржем Савимби, не собирались просто так складывать оружие и решать проблемы совместно за столом переговоров. Естественно, за спиной каждого лидера стояли две мировые политические системы- советская и американская. Наш приход ознаменовался выводом из Анголы ограниченного континента кубинских военных сил, что не замедлило сказаться на активности унитарцев, то есть усиливающих провокаций с их стороны.

В первую же ночь, несмотря на проведённые многочисленные инструктажи и назидания со стороны всех категорий командования, вахтенный матрос на баке, спрятавшись за волнолом, закурил сигарету. Ответом на это нарушение здорового образа жизни стала пулемётная очередь, выпущенная трассерами

с противоположного берега бухты. Матрос от страха сигарету чуть не проглотил и ползком добрался до рубки дежурного, но внятно говорить ещё долго не мог! Всё это носило больше демонстрационный характер, так как явного вреда причинить кораблю выпущенная с расстояния в несколько километров пулёмётная очередь, конечно, не могла. Но психологический эффект был несомненным! И, в первую очередь, положительным, так как матросы сразу прониклись важностью момента обстановки и осознали, что пришли не на прогулку и не на курорт, а оказались на реальной войне, с её боевой обстановкой и возможными реальными потерями.

Для пацанов, выросших в обстановке мира и согласия, с вездесущей пропагандой мира во всём мире, трудно было понять не только цели, но и пути их достижения организацией УНИТА, её руководителями, но то, что здесь стреляют и часто даже в спину, было понято довольно быстро.

Боевая готовность не снижалась, вахты ПВО, ППДО неслись круглосуточно, и скоро всё встало на свои места. Мои рулевые каждые четыре часа проводили метеонаблюдения, посылали их во все необходимые адреса, а в случае полётов нашей авиации обеспечивали лётчиков информацией о фактической метеобстановке. Штурманские электрики, засучив

рукава проводили ППО и ППР всей материальной части и совершенствовали систему охлаждения и вентиляции, применяя чудеса сообразительности и смекалки. По ночам уже все привыкли к взрывам гранат под водой с катеров противодиверсионной обороны, выходящих на дежурство каждый час от нас или с соседнего БДК. Днём город преображался, все улыбались и демонстрировали полное дружелюбие и готовность помочь во всех проблемах, однако с наступлением сумерек обстановка менялась с точностью до наоборот, и уже нельзя было поручиться, что мирно улыбающийся парнишка, ослепительно белозубой улыбкой на чёрном лице, в пятнистой форме и с автоматом калашникова в руках, не пустит тебе очередь в спину, спрятавшись за пальмой. К сожалению, такие случаи были. Морские пехотинцы с большого десантного корабля несли свою службу на берегу, охраняя посольство и стратегически важные объекты, а мы были готовы немедленно выйти в море для прикрытия столицы Анголы с моря и с воздуха. Надо признать, что разведка у нашего противника была поставлено хорошо, и как только мы ошвартовались, налёт авиации со стороны ЮАР не замедлил себя ждать. Убедившись, что и мы не дремлем, самолёты отвернули, не долетев считанных метров до границы применения оружия; вскоре такие полёты стали обыкновением. Тоже самое

касалось и присутствия военных кораблей противника. Конечно, у самой УНИТЫ флота как такового не было. Зато он был у её союзников и в первую очередь у ЮАР. Сторожевые корабли, ракетные катера частенько подходили непосредственно к морской границе Анголы и даже угрожали нашим рыбопромысловым судам, работающим в этой зоне. И тогда на помощь выходили мы. Ангольский же флот, в составе нескольких ракетных катеров, тихо ржавел под палящим солнцем Африки и большой активности в вопросах боевой подготовки не проявлял.

Забегая вперёд скажу, что пик наибольшей активности ВМС Анголы пришёлся на празднование Дня флота. Накануне была привезена бочка шаровой краски, которой буквально облили сверху ракетные катера, и они гордо блестели под лучами яркого солнца и празднично отражались в солнцезащитных очках прибывшего на праздник командования флота. После поздравлений и награждения отличившихся флот Анголы перешёл в своё обычное спящее состояние, очевидно, до следующего праздника.

Периодически мы выходили в море, как правило, на период пребывания в стране иностранных делегаций и комиссий по мирному урегулированию противостояния УНИТЫ и МПЛА. А так как СССР официально не участвовала в поддержке правящей партии и правительства Анголы, то членам делегаций и комиссий незачем было видеть у причала корабли под военно-морским флагом СССР. И мы покидали бухту Лагошташ и бороздили районы патрулирования, попутно отпугивая и разгоняя вражеские корабли-разведчики и не только их. Хотя до прямых столкновений дело не доходило, но положительный эффект от наших рейдов был налицо. Корабли под южно-африканским флагом достаточно быстро старались ретироваться к родным берегам, особенно, если мы проводили в это время ракетные или артиллерийские стрельбы, до которых наш комбриг был очень охоч. И хотя стрельбы были по имитированным целям, но, как правило, в направлении реального противника.

Особое внимание уделялось ведению разведки. Отчёты с многочисленными фотографиями кораблей и самолётов напоминали большие семейные фотоальбомы: с видами спереди, снизу, сбоку, с различными вариантами загрузки и расцветки корпусов. В один из выходов в море, при сдаче нашими соседями-десантниками курсовой задачи, комбриг вдруг задался идеей фактической высадки десанта. В результате было принято решение произвести разведку береговой черты на предмет обнаружения десантнодоступных мест. Для выполнения этой задачи на корабле была сформирована разведгруппа в составе: командира группы – командира боевой части 1, штатного разведчика – командира радиотехнического дивизиона и двух матросов в помощь – моториста и фотографа. И вот ранним солнечным утром на корабельном баркасе под подвесным мотором, вооружившись фотоаппаратом с большим телескопическим объективом, переносным ручным лотом и прочими хитрыми штурманскими приборами, привычно взяв с собой автомат калашникова и пару пулемётных магазинов по 45 патронов, без которых, наученные опытом, с борта не сходили никогда, мы вышли из бухты и направились вдоль северного побережья.

Работа предстояла долгая и кропотливая: необходимо было тщательно замерить фактические глубины, определить береговые ориентиры, сфотографировать их, «привязать» к карте, рассчитать курсы подхода с учётом течений и подводных опасностей и так далее. Начав с южной оконечности бухты, мы углублялись всё севернее и севернее. Определив несколько возможных мест высадки, вполне удовлетворённые проделанной работой, мы, достав сухой паёк и запустив двигатель на полный ход, повернули баркас в сторону базы и пошли домой. Однако сильное встречное прибрежное течение существенно замедляло нашу скорость, и, чтобы избежать его влияния, нам пришлось прижаться ближе к берегу. И в это время мирно до этого тарахтящий движок, неожиданно закашлялся, поперхнулся и окончательно затих. На мой вопросительный взгляд моторист, многозначительно стукнув по баку, сказал: «Не волнуйтесь, тащант, бензин кончился, сейчас заправим и запустим!»

Затем он достал из-под ног канистру и начал заливать в бак горючее.

Вдруг из прибрежных камней раздалась автоматная очередь, и пули защёлкали по воде практически у борта шлюпки.

«Ложись!» – крикнул я, и схватив свой автомат, направил его в сторону берега. Однако, второй очереди не последовало.

– Ты бак заправил? – крикнул я мотористу.

– Почти!

– Заводи!

Моторист дёрнул за стартовый тросик, и двигатель, пару раз чихнув, бойко затарахтел. Я направил баркас в сторону открытого океана, прочь от берега. В это же время снова раздалась автоматная очередь, и мы увидели группу из нескольких ангольцев-унитовцев в пятнистой форме, которая бежала вдоль берега и на ходу стреляла в нашу сторону, пытаясь заставить нас повернуть в сторону берега. Отдав руль командиру радиотехнического дивизиона, я попытался взять на прицел кого-нибудь, но из-за качки (лодка шла поперёк волны), ничего не получалось. Тогда

я просто дал ответную очередь по берегу. Бегущие фигурки, как по команде, упали на песок и быстро поползли за прибрежные камни. Я продолжал стрелять, и мы на максимальной скорости уходили в океан. В ответ с берега ещё пару раз раздались выстрелы, но мы были уже за пределами досягаемости.

Сделав крюк в открытом море, мы повернули в сторону Луанды, заходя уже с южной стороны. И только, зайдя в бухту, перевели дух.

– Все живы? – спросил я, хотя и так было видно, что все живы и, кроме пережитого страха, на лицах матросов ничего не отражалось.

«Ну, тогда с боевым крещением! – улыбнулся я и увидел в ответ уже улыбающиеся лица. А про себя подумал, – Слава Богу, никого не задело, все живы и здоровы!»

Через час мы подошли к борту корабля и стали поднимать шлюпку на борт. Только сейчас я увидел выщербленный автоматной очередью планширь и понял, что смерть чудом прошла рядом и никого не задела.

Доложив командиру корабля и комбригу о выполненном задании, я спустился в каюту, и пережитое снова встало перед глазами. Вновь пережив всю ситуацию, стало понятно, что если бы наш мотор не заглох, то мы угодили бы в умело расставленную засаду, и так легко уйти нам бы уже не удалось. А так, нас снесло назад, пока мы заправлялись, а у унитовцев не выдержали нервы, и они начали стрелять на предельной дистанции, что и спасло нас.

Неожиданно заболел флагманский штурман бригады капитан 2 ранга Василий Васильевич Васильев. Сказались трудности тропического климата, и его с подозрением на инфаркт отправили в местный госпиталь, а оттуда самолётом в Союз. Я остался на борту один в двух лицах – флагманским штурманом и командиром штурманской боевой части. А если ещё учесть, что второго штурмана сняли ещё по дороге сюда, стало понятно, что возвращение будет не из лёгких.

Через месяц мы в последний раз вышли из бухты Лагошташ и, оставив позади качающиеся в прощальных поклонах пальмы, взяли курс на север, домой!

Дорога домой всегда приятнее и быстрее! Кажется, и винты быстрее перемалывают океан, подгоняя корабль всё ближе и ближе к родным берегам! Однако, всё не так-то просто в военно-морском флоте! Вдогонку нам уже летела радиограмма с новым приказом: «Для обозначения нашего присутствия и достижения политических целей в регионе – зайти в порт Лагос, Республика Нигерия». А где же карта этого Лагоса – вот вопрос! Говорили нам в детстве:»Не ходите, дети, в Африку гулять!» Полна жизнь всяких неожиданностей. Карта благополучно нашлась, хоть и мелкого масштаба, но, в общем и целом, куда идти было понятно. Лоция тоже довольно подробно ответила на все вопросы, которые толкались в очередь у меня в голове. Так что к моменту подхода на рейд Лагоса, я чувствовал себя спокойно и уверенно. Замполит в тандеме с особистом прочитали лекцию и нарисовали душераздирающую картину про жизнь в Нигерии, где кровь вперемешку с нефтью и прочими атрибутами и пережитками прошлого, негры –людоеды, принявшие ислам, по ночам стреляют во всех подряд и трупы сбрасывают в реку, которая выносит их на радость акулам в океан! Так что мы были готовы ко всему! Однако, как оказалось, готовиться надо было совсем к другому, например, к тому, что лоцмана к нашему подходу не оказалось! Так что лоцию я читал совсем не зря, а поэтому на вопрос командира: «Штурман, зайдём самостоятельно?» Я ответил утвердительно и перебрался с картами и прочими штурманскими приборами на ходовой. Через полчаса спина моя уже была мокрая, но мы уверенно рассекали мутные воды лагуны, в которой располагался сам порт и самый крупный город в Африке – Лагос. Самая большая проблема была в том, что мы не знали точно, к какому причалу порта нас планировали поставить, но надеялись, что к моменту подхода ясность появится и всё будет хо-

рошо. Так и получилось. Из-за поворота вылетел белый катер, на борту которого находился военно-морской атташе и лоцман, который уважительно отнёсся к тому, что мы самостоятельно прошли две трети пути по речке, глубины и фарватер которой меняются чуть ли не каждый день! Знал бы я это раньше! Несмотря на это, мы благополучно ошвартовались менее чем через час у городского причала.

Вопреки нарисованной ранее картины, игерийских ужасов, местное население приняло нас очень тепло и дружелюбно. На корабль приехали многие наши соотечественники, которые работали на многочисленных стройках, помогая развитию экономики африканской стране. Здесь было и строительство бокситного комбината, и металлургический завод, и ещё много-много чего-то разного. Главное, было невероятно радостно увидеть родных советских людей. Очень тёплый приём был организован в нашем посольстве: с футболом, лёгким фуршетом и очень дружеской обстановкой! Через два дня мы под «Прощание Славянки» отошли от причала и взяли курс на Балтийск. А через три недели уже ошвартовались в родном порту. Боевая служба была оценена на «отлично», и экипаж продолжил выполнять поставленные задачи, а я убыл для дальнейшего прохождения службы на специальные офицерские классы, но это уже совсем другая история!

МОРЕ СМЕЯЛОСЬ! МИНА

Жаркое полуденное солнце беспощадно выжигало всё живое: всё, что попадало под его лучи в это время суток. Жизнь на кораблях замирала, все прятались по каютам, пытаясь найти хоть какой-нибудь уголок прохлады. Но солнце продолжало накаливать железную поверхность верхней палубы, традиционно выкрашенную в чёрный цвет, а та в свою очередь не скупилась передать накопленный жар внутрь корабля. Верхняя вахта ПДСС (противодиверсионные силы и средства) расслабленно

вглядывалась в изумрудную толщину вод бухты Лагошташ в поисках подводных диверсантов. Шёл пятый месяц боевой службы в Анголе. На корме корабля заканчивались водолазные спуски по осмотру подводной части корпуса корабля. Неожиданно сонную тишь разорвал плеск всплывшего рядом с бортом лёгководолаза, который шумно выдохнул и быстро-быстро поплыл к забортному трапу. Вцепившись в него руками и сорвав с себя маску, он одним словом выдохнул: «Там – мина!».

Звук колоколов громкого боя разорвал сонную тишину и наполнил её топотом ног и докладами с боевых постов. Через пять минут весь экипаж был по местам тревоги и замер в ожидании последующих команд. Но команд не поступало. На ГКП (главном командном пункте) шло срочное совещание штаба бригады и командования корабля. Главный вопрос был, как всегда один: «Что делать?» Для начала ещё раз с пристрастием допросили матроса-водолаза, который обнаружил мину. По его словам получалось, что мина была прикреплена к корпусу корабля почти посередине и была по размеру небольшая. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз послушать. Флагманский минёр сосредоточенно листал справочники по иностранному минному вооружению, но ничего похожего на рассказ матроса найти не мог. «Давайте позовём киношников»-, вставил своё слово флагманский штурман. «Киношниками» называли небольшое водолазное судно, оборудованное по последнему слову техники системами подводного наблюдения и съёмки. Но главным их достоинством был громадный видеоархив, и мы при удобном случае всегда отпрашивались в кино посмотреть видеоархив, который политуправление вряд ли допустило бы для просмотра на кораблях боевой службы. Чем занималось это судно, никто не знал, но у нас люди были все военные и вопросов глупых не задавали. Предложение было тут же утверждено, и уже через несколько минут белоснежный катер подошёл к нашему левому борту и подал концы. Поднявшемуся на борт капитану катера вкратце была обрисована ситуация и высказана просьба про-

извести съёмку обнаруженного постороннего объекта. Оценив ситуацию, тот без слов согласился, и работа закипела. На борт катера перешли комбриг с командиром, флагманский минёр со своим альбомом, старшина водолазов и сам герой дня. Все встали полукругом вокруг оператора и неотрывно смотрели за появляющимся на мониторе изображением. Каждый думал о своём. Вот на экране появился подводный борт, и камера пошла вдоль него в поисках мины. «Вот она, вот!» – заверещал матрос, тыкая пальцем в монитор. Все замерли, и камера, медленно повернувшись, увеличила изображение. «Точно – мина! Итальянская!» – сказал старшина водолазов. Минёр, враз вспотевшими руками, судорожно пытался найти в альбоме итальянские мины, но это ему никак не удавалось. «Надо бы маркировку посмотреть», – старшина уверенно взял инициативу в свои руки.

– Надо – посмотрим, – ответил оператор, и картинка на экране медленно стала поворачиваться.

– На дне должна быть, – подсказал минёр.

– На дне, так на дне, мы не против! Будем искать на дне. И манипулятор с камерой стал подбираться к мине с другой стороны.

– Нет, ничего не разобрать!

– И что будем делать? – комбриг вопросительно смотрел на офицеров.

– Надо снимать, – решительно вышел вперёд старшина водолазов. Ему уже виделся впереди его подвиг и награждение – минимум орденом за спасение корабля и экипажа от неминуемой гибели.

– Снимать, может и надо, но кого послать? – задумчиво сказал комбриг.

– Как кого? – старшина разволновался. Подвиг и орден стали удаляться в призрачной дымке.

– У меня опыт есть проведения разминирования, и лучше меня никто не справится! Я готов, хоть сейчас, – волновался старшина.

– Ну что ж, раз других предложений нет, будем снимать! – подвёл итог командир бригады.

В это время за бортом раздалось тонкое жужжание, быстро набирающее силу и громкость.

– Не волнуйтесь, это папуасы местные на моторке своей за продуктами приехали, – ответил на немой вопрос комбрига капитан катера.

– Моторка у них знатная, двигатель «Джонсон» 150 лошадиных сил, просто загляденье.

И в ту же самую минуту водолазный катер подхватила волна от пронёсшейся на полной скорости лодки с «папуасами». Эта волна приподняла катер и мягко опустила его на место, и тут все с ужасом увидели, как на экране мина плавно оторвалась от борта и, постояв в раздумье, медленно стала погружаться на дно! Все зачарованно смотрели как она плавно, словно нехотя, достигла дна и, подняв облачко песка, замерла под самым кораблём!

– Водолаза за борт, экипаж на стенку, – хрипло сказал комбриг.

Через десять минут весь экипаж стоял на стенке и напряженно смотрел, как за борт погружается старшина водолазов мичман Мельник. Ещё двадцать минут пролетели в сплошном оцепенении и ожидании худшего. Потом из-под воды показалась могучая спина мичмана, который поплыл к трапу лёжа на спине. В руках он держал деревянный ящик.

– Целый ящик с минами! – прошелестело над строем. Все дружно сделали шаг назад. Мичман, одной рукой держась за трап, второй перевалил ящик на палубу корабля. Ящик встал на бок, потом неожиданно завалился, и из него покатались по палубе... консервные банки с этикетками «икра баклажанная, первый сорт». Видно пролежали они под водой не один месяц, скорее всего, остались от наших предшественников по стоянке, от тёплой воды банки вздулись и, набрав достаточный запас газов внутри, одна из них и всплыла, изобразив из себя итальянскую магнитную мину.

ГОРЯЧЕЕ СОЛНЦЕ АНГОЛЫ

Владимир Дашевский

Война в этой бывшей португальской колонии и сегодня остается во многом неизвестной. Вокруг пребывания там советских военнослужащих создается ореол таинственности и загадочности. А тысячи танкистов, летчиков, разведчиков, воинов ПВО и военных моряков, прошедших огненными дорогами той необъявленной войны, по сей день не имеют статуса участника боевых действий.

В результате освободительной войны в ноябре 1975 года в Анголе была провозглашена независимость. Однако не успели высохнуть чернила под договором о создании суверенного государства, как в стране разразился новый, растянувшийся на десятилетия, военный конфликт. На национальном уровне война велась между пришедшим к власти национально-освободительным движением МПЛА и вооруженными оппозиционерами из УНИТА и ФНЛА, на региональном – между Анголой и ЮАР, и, наконец, в глобальном плане соперничали две сверхдержавы – СССР и США. В этот конфликт также были вовлечены национально-освободительные движения: СВАПО, борющаяся за освобождение Намибии, и АНК, выступавший против узурпации власти в ЮАР белым меньшинством. По размаху конфронтации и количеству вовлеченных сил конфликт вышел далеко за рамки одной страны и превращал эту «горячую точку» планеты в масштабную зону нестабильности, грозящую вылиться в очаг глобального конфликта между ведущими ядерными державами. Практически впервые в истории СССР советским руководством была поставлена задача за тысячи километров от границ, в далекой Южной Африке: помочь другой стране в строительстве национальной армии, отражении внеш-

ней агрессии и борьбе против внутренней вооруженной оппозиции. И не только. Руководство Советского Союза, не считаясь со средствами, стремилось превратить Анголу в эталон африканского социалистического государства. Ангола, занимавшая важное геостратегическое положение и богатая природными ресурсами (нефть, алмазы, железная руда), рассматривалась советским руководством как своеобразный ключ к Африке: базы распространения своего политического и военного влияния в регионе.

После провозглашения независимости Анголы между СССР и НРА было подписано соглашение об использовании ее военной инфраструктуры. Первая группа, состоявшая из 40 специалистов по боевому применению и военных переводчиков, прибыла в Анголу сразу после провозглашения независимости страны. Уже по пути из Москвы она получила шифротелеграмму, которая, по сути, «разрешала советским военспецам участвовать в боевых действиях на стороне сил МПЛА и кубинских войск».

Вскоре в распоряжение советского оперативного соединения ВМФ поступили военно-морские базы Анголы. Ангольские аэродромы были предоставлены для посадок стратегической, разведывательной, транспортной авиации СССР. А для создания национальных вооруженных сил в страну прибыли тысячи военных советников. Широкий и нескончаемым потоком пошла военная техника. Только за три месяца, прошедших после провозглашения независимости, в порты Анголы, контролируемые МПЛА, прибыло 27 крупнотоннажных транспортов из СССР и Кубы с боевой техникой, автомобилями, оружием и боеприпасами.

Нашим военнослужащим, носившим чужую форму и не имевшим при себе документов, нередко приходилось жить в палатках и землянках, испытывая серьезные бытовые неудобства и лишения. А часто, выходя на совместные с ангольцами боевые операции, они брали в руки автоматы и пулеметы, сади-

лись за штурвалы БМП и рычаги танков, пульта управления ракетных и зенитных установок. Свои специфические задачи решали у берегов Анголы экипажи боевых кораблей Военно-Морского Флота СССР. Для этого была сформирована 30-я оперативная бригада Северного флота, в состав которой входили и корабли Балтийского флота. Так, начиная с 1976 года, боевую службу у берегов Анголы с подразделениями морской пехоты на борту несли десантные корабли Балтфлота: «Красная Пресня», БДК-105, БДК-58, «Донецкий Шахтер», «А. Шабалин». В период с 1987 по 1991 год братскую помощь АНР оказывали сторожевые корабли соединения надводных кораблей БФ: «Славный», «Свирепый», «Бодрый», «Бдительный», «Неукротимый». Со всеми поставленными задачами моряки-балтийцы справились успешно.

В том, что ангольская армия начиная с середины 80-х годов XX века стала практически на равных «вести разговор» с самой боееспособной на африканском континенте армией ЮАР, огромная заслуга тысяч советских офицеров и генералов, в разное время выполнявших свой воинский долг в Анголе.

Все стремились в десант

Вице-адмирал Виктор Иванович Литвинов. В 1981 году командовал базировавшейся в Анголе 30-й оперативной бригадой Северного флота:

Я был далеко не первым, кто выполнял боевые задачи в Ангольской Народной Республике. В феврале 1981 года вышел в Южную Атлантику, где действовало оперативное соединение ВМФ СССР, которое подчинялось лично главкому ВМФ адмиралу флота СССР С. Г. Горшкову. Операционная зона соединения, которым я командовал, начиналась от параллели Гибралтарского пролива и заканчивалась параллелью мыса Доброй Надежды. В задачу бригады входило слежение за кораблями и соедине-

ниями НАТО, деловые заходы и визиты дружбы в государства Западной Африки. За год мне довелось побывать в таких странах, как Гвинейская Демократическая Республика, Народная Республика Ангола, Республика Того, Республика Гана, Республика Гвинея-Бисау.

В Луанде располагался пункт маневренного базирования нашего оперативного соединения. Там же находились запасы продовольствия, запчастей для кораблей, а также узел связи, позволявший иметь надежную связь с Главным штабом ВМФ. Среди задач, которые решал флот в Анголе, была демонстрация Военно-морского флага СССР, что являлось прямым свидетельством поддержки правительства и народа Анголы в соответствии с договором, который Советский Союз заключил с властями АНР во главе с президентом Нетто еще в середине 70-х годов. В случае открытого нападения на Анголу со стороны южно-африканских войск, которые в то время уже оккупировали соседнюю Намибию, корабли соединения должны были

отразить агрессию. Замечу, что часть корабельных сил находилась не только в Анголе, но и в Гвинейской Республике, а кроме этого, в районе Западной Сахары, где советские военные моряки охраняли наших рыбаков. Но вернемся к Анголе.

Совершенно неожиданно в августе 1981 года ЮАРовские войска нарушили границу АНР, вторглись в ее пределы, захватив приграничные города, и по единственной, идущей вдоль океанского побережья дороге-шоссе двинулись танковыми колоннами в глубь страны. Части Народной армии Анголы, не выдержав натиска, отступили. В этот критический момент кубинцы предупредили ЮАР о том, что, в случае дальнейшего продвижения войск, готовы выступить на защиту независимого африканского государства. Я по срочной связи получил приказ главкома ВМФ СССР – в кратчайший срок объявить на кораблях, которые базировались в Луанде, боевую тревогу, приготовить их к бою-походу и выйти отрядом на юг Анголы для защиты приграничного порта Масамедиш (ныне Намиб). ЮАРовские войска к этому моменту продвинулись в глубь страны на 150 километров. В результате Масамедиш оказался у них в тылу. Тогда военное руководство ЮАР поставило перед собой задачу – уничтожить этот порт ударами с воздуха. В тот момент в городе находились наши военные советники. Помимо выполнения различных задач, они помогали ангольским военнослужащим в подготовке к использованию комплексов ПВО, которые СССР поставлял Анголе. Кроме того, на подступах к Масамедиш находилась усиленная рота кубинских войск. Все они прикрывали порт с суши. Советским боевым кораблям предстояло защищать город с воздуха, прежде всего с морских направлений, там, где противоздушная оборона Масамедиш практически отсутствовала.

Видя, насколько серьезно СССР отнесся к этой агрессии, я выдвинул на границы с Намибией наши боевые корабли. При чем это были корабли 1–2 ранга, такие, как СКР «Ревностный», БПК «Таллин», БПК «Гремящий», на борту которого я держал

флаг. Они представляли внушительную военную силу. Ударная авиация ЮАР не раз пыталась совершить налеты на порт Масамедиш, но, оказавшись в зоне действия зенитно-ракетных комплексов наших кораблей, пилоты отворачивали самолеты и ложились на обратный курс. Дело в том, что в кабинах закупленных у Франции «Миражей» в основном сидели наемники. Они предпочитали не рисковать и шли на удар только в том случае, если были уверены, что опасность им не грозит. Задачу по охране воздушного пространства над портом Масамедиш наши корабли выполняли в течение августа и сентября 1981 года, до тех пор, пока под ударами ФАПЛА – частей народной армии Анголы – ЮАРовские войска не покинули пределы страны. В сентябре 1981 года по команде Главного штаба ВМФ СССР, попрощавшись с командованием Ангольских войск, руководством города-порта и кубинскими военными, мы покинули воды гавани Масамедиш и вернулись в порт Луанда.

Конечно, мне не забыть поведение наших матросов и офицеров в боевой обстановке, их отношение к тому, что творилось на границе Анголы и Намибии. Только за первые дни пребывания кораблей в порту Масамедиш мне были представлены рапорты сотен матросов и офицеров, которые желали на берегу с оружием в руках участвовать в десантных отрядах, сражаться с ЮАРовскими расистами. Я наблюдал за людьми в момент налетов авиации противника. Ни в глазах, ни в поведении ни одного из моряков я не увидел признаков растерянности и неуверенности. Напротив, в них отражалась непреклонная решимость. Особенно после того, как моряки узнали о гибели нескольких наших военных советников на границе. Я тогда получил соответствующее донесение и по радио объявил по отряду кораблей о произошедшей трагедии. Матросы и офицеры приняли сообщение очень близко к сердцу, и именно тогда посыпались рапорты с просьбой: если потребуется, включить в состав десантных отрядов для действий на берегу. Люди без какого-либо внешнего эффекта и пафоса, как-то внутренне собравшись,

каждый на своем посту, будь то ракетчик, артиллерист, механик, рулевой, были готовы выполнить свой интернациональный долг по защите Народной Республики Ангола.

Из НРА мы вернулись в начале марта 1982 года. Хотя должны были это сделать раньше. Однако по объективным причинам наши планы пришлось изменить. Мы попрощались с ангольцами, с русской колонией, послом СССР в Анголе Логиновым, который посадил нас на катер и проводил до внешнего рейда. Но, не дойдя до параллели Республики Бенин, я получил радиogramму из Главного штаба ВМФ. В ней говорилось, что нам надлежит вернуться в Анголу в связи с резко участвовавшими диверсионными актами, особенно на нефтеперегонных заводах, убийствами и ожесточенными ночными перестрелками в Луанде. Мы выполнили приказ. Поэтому вернулись в Советский Союз не в январе, как планировалось ранее, а в марте, передав по эстафете решение задач очередному отряду советских кораблей.

По возвращении из Анголы я был награжден орденом «За службу в Вооруженных Силах СССР» III степени. Офицеры моего штаба были также удостоены различных медалей и орденов.

Небесный щит над Масамедиш

Вице-адмирал Василий Никанорович Апанович в 1982 году во время боевой службы в Анголе в звании капитан-лейтенанта был старшим помощником командира СКР «Неукротимый». Командовал кораблем капитан 3 ранга Николай Сироткин.

К боевой службе у берегов Анголы, охваченной гражданской войной, мы готовились очень тщательно. Подготовка велась непосредственно под руководством командира 128-й бригады капитана 1 ранга Владимира Григорьевича Егорова. Военнослужащие, которые по своим морально-психологическим

и профессиональным качествам не подходили для выполнения ответственных задач, переводились в другие экипажи. Матросы и старшины срочной службы были со среднетехническим и высшим образованием. Все прошли подготовку в учебных отрядах. Жесткие требования предъявлялись к офицерам и мичманам. Поэтому сомнений в уровне профессионализма личного состава, по крайней мере у меня, как у старшего помощника командира корабля никогда не возникало. Не вызывал тревоги и моральный настрой моряков. В экипаже в то время были только коммунисты и комсомольцы. И как показали дальнейшие события, никто из них своих товарищей не подвел. В процессе подготовки СКР к боевой службе у побережья Западной Африки я сдал на допуск на управление кораблем и 1 февраля 1982 года в составе экипажа СКР «Неукротимый», в количестве 220 человек, вышел в Балтийское море. Конкретных целей и задач мы в полном объеме не знали. Было известно, что нам предстоит выполнение боевых задач, в том числе поставленных перед советскими моряками правительством Анголы...

Такая система подчиненности и получения приказов затем сыграет с нашими моряками злую шутку. Боевые задачи перед ними ставили власти другого государства, а СССР официально ни в какой войне не участвовал. В результате, спустя годы, советские военные моряки не смогут доказать то, что в принципе и так очевидно – они были на войне. Но это все случится потом. А в феврале 1982 года СКР «Неукротимый» держал путь в Атлантический океан. Комбриг Владимир Егоров в течение четырех суток сопровождал экипаж в походе. Лишь убедившись, что все от матроса до командира готовы к выполнению ответственной миссии, а системы и механизмы сторожевого корабля работают исправно в районе пролива Ла-Манш, Владимир Григорьевич с офицерами штаба соединения пересел на проходящий мимо танкер вспомогательного флота БФ и вернулся в Балтийск.

«24 февраля мы пришли в столицу Анголы, город-порт Луанда», – вспоминает Василий Апанович. Там уже стояли десант-

ный корабль и тральщик Северного флота. Поначалу никаких негативных действий со стороны противника мы не ощутили. Понимали, что присутствие такого мощного, оснащенного самым современным по тем временам вооружением корабля отрезвляюще действовало на силы, которые вели боевые действия на территории африканского государства. Конечно, нам было интересно. В Луанде стояло много гражданских судов. Дремали у причала ангольские средние десантные корабли и торпедные катера. Все советского производства. Те корабли, что стояли рядом с «Неукротимым», были в запущенном состоянии. Экипажи фактически не занимались боевой подготовкой. Для нас это было шоком. Сразу становилось ясно: без помощи извне ангольскому правительству не выстоять...

Непрерывно с 24 февраля по 12 июля экипаж сторожевого корабля дислоцировался непосредственно на территории Анголы и выполнял задачи по поиску и уничтожению подводных мин, предупреждению и противодействию диверсионным актам в портах Луанда и Масамедиш. И если в морской гавани ангольской столицы экипаж корабля в основном занимался противодиверсионными мероприятиями и охраной советского посольства в Луанде, то в акватории порта Масамедиш наши моряки столкнулись с самым настоящим противником, в том числе с наемниками из подразделений RECCE и печально прославившегося батальона BUFFALO. Надо сказать, что через прифронтовой Масамедиш в Анголу шли нескончаемые потоки оружия и военной техники из СССР и Кубы. Авиация вооруженных сил Южно-Африканской Республики, выступавшей в ходе конфликта на стороне УНИТА, систематически бомбила как сам порт, так и ведущие в эту стратегически важную гавань транспортные коммуникации. Причем, с суши Масамедиш надежно прикрывали расчеты сухопутных средств ПВО, в которых инструкторами выступали (а в реальности воевали) советские офицеры и прапорщики. Наземным войскам противника противостояли хорошо обученные пехотные и танковые кубин-

ские подразделения. Однако со стороны Атлантического океана порт был абсолютно не защищен от ударов с воздуха. К тому же в Масамедише находились склады оружия, продовольствия, медицинского оборудования и препаратов. К сожалению, то время в составе ангольского флота были только СДК и торпедные катера, которые не могли самостоятельно обеспечить прикрытие порта от ударов авиации с морского направления. Поэтому было принято решение: у входа в гавань поставить крупный боевой корабль, обладающий эффективными средствами ПВО. Одним из тех, кто обеспечивал воздушный заслон порта Масамедиш, был СКР «Неукротимый». Его моряки на практике узнали, что такое массированный налет авиации, и не раз видели реального противника в перекрестии электронного прицела. Дважды за время боевой службы экипаж сторожевого корабля нес дежурство по противовоздушной обороне порта Масамедиш. В общей сложности, моряки СКР «Неукротимый» 45 суток охраняли воздушное пространство над акваторией стратегически важного порта.

«По-настоящему ощущение того, что мы оказались на войне, у меня появилось, когда начались первые налеты авиации ЮАР», – вспоминает Василий Никанорович. Когда неожиданно приходило оповещение о подлете самолетов противника, все корабельные средства ПВО мгновенно приводились в боевую готовность № 1 и от реального применения оружия по цели нас отделяли считанные минуты. В такой момент у всех было ощущение – если не ты, то тебя! К чести наших моряков, они были готовы уничтожить самолеты ЮАР, если бы те продолжили полет по направлению к порту. В этом сомнений не было. Групповые налеты случались практически каждый день. Иногда на порт одновременно выходило до 10 самолетов. Но попав в зону радиолокационного обнаружения корабельных средств ПВО СКР «Неукротимый», они, прочертив краем крыла по «линии смерти», разворачивались обратно. Ответственность стоявшей перед экипажем задачи еще более сплотила и мобилизовала лю-

дей. Ведь мы там были одни, и в случае чего рассчитывать было не на кого. Тем не менее, экипаж корабля не допустил ни одной бомбежки порта. Кроме того, мы постоянно несли дежурство по противодиверсионной обороне. Выставлялась вахта технического наблюдения за надводной и подводной обстановкой. Неоднократно обнаруживались реальные боевые пловцы. И опасность, которая от них исходила, для корабля тоже была самой что ни на есть реальной...

О некоторых эпизодах той войны многие ее участники предпочитают не говорить и сегодня. Несмотря на то что СССР официально в войне не участвовал, военным морякам не раз приходилось применять боевые бомбы и гранаты по реальным целям. Так однажды акустики СКР «Неукротимый» обнаружили в территориальных водах Анголы чужую подводную лодку. Было известно, что ЮАР часто для заброса диверсантов в ангольские порты использует субмарины. Вероятно, это был именно тот случай. Тогда район появления подлодки моряки сторожевого корабля накрыли залпом глубинных бомб из РБУ. За выполнение задач боевой службы в Анголе особо отличившиеся офицеры, мичманы, старшины и матросы СКР «Неукротимый» впоследствии были награждены боевыми орденами и медалями.

Особую опасность представляли диверсанты

Капитан 2 ранга запаса Сергей Николаевич Клименко дважды выполнял задачи боевой службы в Анголе. Первый раз еще старшим лейтенантом он отправился к берегам далекой Африки в 1986 году в должности командира БЧ-1 БДК-58 (ныне БДК «Калининград»). Причем, тогда корабль шел без всякого сопровождения, оставаясь на пути следования практически беззащитным перед подлодками стран НАТО. Следующая командировка на войну состоялась в 1986 году.

«Тогда мы пошли уже в составе отряда кораблей, – вспоминает Сергей Николаевич, – в одном ордере с нами были СКР «Сильный», танкер «Лена» и морской тральщик с Лиепай». Так что противолодочная защита была обеспечена. Танкер довел нас до Гибралтара, заправил всех и продолжил действовать по своему плану, а мы пошли дальше на юг. Морской тральщик остался на охране промыслового рыболовства, в районе Западной Сахары. Наш маршрут пролегал до порта Луанда.

Поначалу ощущение того, что находишься в зоне боевых действий, не было. Но вскоре ситуация изменилась. Когда по вечерам сидели на юте, то трассирующие пули частенько прочерчивали над городом сверкающие прямые. Нередко прямо над домами кружили боевые вертолеты, и было слышно эхо отдаленных разрывов.

В задачи экипажа БДК входила доставка подразделений морской пехоты на берег. Дело в том, что «черные береты» решали задачи по охране советского консульства, аэродрома и других наших объектов от нападений диверсионных групп. Вместе с нашим кораблем в Луанде стояли плавмастерская, подводная лодка и БПК Северного флота. Периодически мы совместно выходили в море для проведения стрельб.

Что особо запомнилось? Интенсивная противодиверсионная работа военных моряков. На рейде Луанды стояло не меньше 40 советских рыболовных судов. Каждые три-четыре часа наши катера обходили их и периодически бросали в воду гранаты для противодействия подводным диверсионным силам и средствам противника. Ведь опасность была реальная – на рейде подводными диверсантами УНИТА и ЮАР уже были затоплены два иностранных транспортных судна...

За выполнение задач боевой службы в Анголе Сергей Николаевич Клименко был награжден медалью «За боевые заслуги».

Экзамен для командира

Капитан 1 ранга запаса Войтенко Юрий Алексеевич дважды нес боевую службу в Анголе. Первый раз – командиром БДК «Александр Шабалин» он отправился к берегам Африки 1 июня 1987 года:

– Корабль у нас был практически новый. В 1985 году я получал его в Польше на Гданьской судовой верфи. В короткий срок успешно обкатали БДК, сдали все задачи. Где-то за полгода до отправки стало известно, что пойдем на боевую службу в Анголу. Мы, конечно, знали, что там идет война. Однако новость я воспринял с воодушевлением. Ведь это была моя первая боевая служба в качестве командира корабля. Подготовка проходила в Балтийске. По содержанию в принципе она не отличалась от обычной боевой учебы. Только проводилась более интенсивно, да и требования к качеству и точности выполнения каждого упражнения существенно возросли. Особенно усиленно мы отрабатывали взаимодействие с морской пехотой по высадке десанта, посадке личного состава и техники на БДК. Но в 80-е годы на флоте служили настоящие профессионалы. Эти слова в равной степени относятся к старшинам и матросам по призыву. Грамотные, способные, ответственные военнослужащие. Мне как командиру корабля было легко с ними выполнять любые задачи. Все проходило, что называется, «по первому свистку».

Во время перехода в проливной зоне нас постоянно сопровождали самолеты-разведчики стран НАТО, неотступно параллельным курсом следовали корабли разведки. В Северном море слежку вела лишь авиация. Но и мы, в свою очередь, тоже выполняли разведзадачи: в море и на побережье фотографировали военные объекты вероятного противника.

С погодой нам очень повезло. Океан был гладким, словно зеркало. Пользуясь такой возможностью, «черные береты» прямо в море проводили стрельбы из всех видов стрелкового

оружия, в том числе и гранатометов. На корме устанавливали настил, где размещались военнослужащие. За борт скидывали плот с мишенью. Отпускали его метров на сто и, упражняясь в меткости, от души поливали цель свинцом. Наши матросы также активно занимались огневой подготовкой. Никто не знал, что нас ждет впереди: например, во время перехода мы отрабатывали дозаправку корабля в море, так как в Балтийске лишь имитировали этот сложный и ответственный элемент.

В Луанде внешне о войне ничего не напоминало, только иногда в пригородах ангольской столицы была слышна канонада. В гавани стояло два советских плавдока и пара десятков рыболовецких судов. Нам практически с первого же дня поставили задачу – охранять порт и наземные объекты. БДК «Александр Шабалин» с усиленной ротой морской пехоты, тремя плавающими танками, шестью бронетранспортерами и машиной управления на борту представлял серьезную силу, с которой нельзя было не считаться. Морские пехотинцы охраняли различные объекты: не только здание советского посольства, но и военного представительства и торгпредства. Выезжали взводами на неделю выполнять задачи по охране объектов за пределами Луанды. Экипаж БДК занимался противодиверсионной работой – мера необходимая. Сразу по прибытии в Луанду нам показали стоящее рядом затопленное судно, которое недавно подорвалось на заложенной боевыми пловцами мины. Ночью наш катер с моряками, а также катер со сторожевого корабля по плавающему графику, чтобы диверсанты не могли точно просчитать время, выходил в акваторию бухты и разбрасывал гранаты.

Конечно, экипаж корабля ежедневно занимался боевой подготовкой, занятиями по специальности. Регулярно играли тревоги, выходили в море за территориальные воды на стрельбы. Не только в профессиональном плане, но и в морально-психологическом матросы, старшины и офицеры были готовы к выполнению любых боевых задач.

Говоря о профессионализме экипажа, вспоминаю случай, когда на переходе морем мы поочередно шли на экономичном режиме только на одном из двигателей. И вдруг в одном из цилиндров обнаружили течь. Оказалось, трещина головки цилиндра. Своими силами в океане под руководством командира БЧ-5 разобрали поршень, вытащили его и заменили вышедшую из строя деталь.

Безусловно, в море бывало всякое, случались и курьезные ситуации. Вот одна из них. Мы уже возвращались домой, зашли в Бискайский пролив. Как сейчас помню, на часах 14.00, вокруг полный штиль. Вдруг, буквально в течение часа, налетел шторм. Но ничего, техника морской пехоты внутри корабля была надежно закреплена – не сдвинулась. Прошли Ла-Манш, Па-де-Кале, вдруг следует команда: «Вернуться к устью Сены, снять с тральщика больного и сделать операцию по удалению аппендицита!». У нас на борту был хирург из состава морской пехоты. Совсем молодой офицер не на шутку забеспокоился: «Вы что, товарищ командир, я же первый раз такую операцию делать буду, да еще в море!» С Москвы успокаивают хирурга, мол, поможем, проконсультируем. Пока возвращались, подготовили операционную. А тут еще и шторм усилился. Тральщик кидает на волнах, словно щепку. Пациента в катер спускали в сетке. Мы его приняли на борт и доложили о готовности к операции в столицу. Через какое-то время мне на командирский мостик звонок: «У матроса уже ничего не болит». Я стал выяснять, в чем дело. Оказалось, морзянка от качки так сильно рвало, что внутренности нестерпимо разболелись. На тральщике решили – аппендицит. А на БДК качка воспринималась не так сильно, и парню полегчало. Он попил воды, поел и говорит, хочу у вас служить... У хирурга от сердца сразу отлегло.

Боевая служба в Анголе стала хорошей школой для всего экипажа БДК и для меня, в частности. Там я по-настоящему почувствовал себя полноправным командиром, обрел уверенность

в собственных знаниях и силах. На мой взгляд, именно в таких походах формируются настоящие военные моряки.

Остается добавить, что и за первую, и за вторую боевую службу экипаж БДК «Александр Шабалин» получил отличную оценку, а его командир Юрий Войтенко был награжден орденом Красной Звезды.

Фронт под водой

Главный старшина запаса Таравков Владимир Леонидович боевую службу в Анголе проходил водолазом-инструктором на СКР «Неукротимый».

Владимир Леонидович учился в Киевском технологическом институте легкой промышленности и в принципе мог не служить. Но пришел в военкомат и попросился на флот. 30 октября, в свой день рождения, юноша авиарейсом вылетел в Севастополь. По прибытии на место его определили в школу водолазов ВМФ. Там готовили настоящих профессионалов: глубоководников, инструкторов, сварщиков, такелажников, диверсантов. По окончании школы Владимир Таравков имел допуск на работу во всех существовавших на тот момент типах водолазного снаряжения. Ограничения были только по глубине погружения – 60 метров. В апреле по распределению он был направлен на Балтийский флот в экипаж сторожевого корабля «Неукротимый».

– Был ноябрь 1981 года, – вспоминает Владимир Леонидович. – Я уже носил погоны главного старшины и имел за плечами два года службы, когда стало известно, что мы пойдем в район юго-западной Африки. Это стало заметно по интенсивности и насыщенности боевой подготовки. Кроме того, прекратились сходы на берег. Всех, кто должен был увольняться весной следующего года, перевели на другие корабли. Стало понятно – весной 1982 года домой мы не вернемся. Экипаж до-

укомплектовывали лучшими специалистами соединения.

Как водолаз-инструктор я являлся заместителем командира кормовой аварийной партии. Кроме того, руководил внештатной группой легких водолазов. В нее входили офицеры, мичманы, матросы БЧ-5, с которыми я проводил занятия. Тренировались в бассейне в военной гавани и на учебном судне. Периодически меня отправляли в аварийно-спасательный отряд БФ, где я стажировался не только по специальности, но и готовился к выполнению противодиверсионной работы.

1 февраля СКР «Неукротимый» покинул родную гавань, а 24 февраля ночью зашел в Луанду.

Буквально на следующий день я был освобожден от всех вахт и занимался подводными работами в рамках противодиверсионной защиты корабля. Кроме того, проводил осмотр других военных кораблей и гражданских судов. Ежедневно по 3–4 часа находился в толще воды. Как оказалось, не зря.

На следующий день после захода СКР «Неукротимый» в Луанду недалеко от нашей стоянки боевые пловцы ЮАР взорвали нефтебазу. Диверсионная война там практически не прекращалась. Я лично обнаружил пять прикрепленных к корпусу гражданских судов мин. Первый раз увидел опасную «игрушку» на корпусе ремонтного судна «Гурзуф». Мина с вертушкой взрывалась только при движении. Я доложил командиру минно-торпедной боевой части, и мы ее обезвредили.

*Подготовка к спуску в центре
главный старшина В. Таравков*

А вот подойти незамеченными к СКР «Неукротимый» у диверсантов шансов практически не было. В течение суток мы с различной периодичностью разбрасывали в акватории порта гранаты. Кроме того, у нас работали две опускаемые гидроакустические станции, зона действия которых составляла 50 метров. Как только я выходил из воды, их сразу же на тросах опускали за борт. Так что защита была надежная.

Но, как выяснилось позже, в Луанде мы видели новичков диверсионного фронта. С настоящими профессионалами пришлось столкнуться в порту Масамедиш. «Неукротимый» стоял прямо у входа в гавань, как бы прикрывая собой этот прифронтный порт и суда, которые везли в Анголу боеприпасы, продовольствие и военную технику. Такого количества знаменитых автоматов ППШ я никогда не видел. Причем, разгружались они без всякого счета и шли бойцам фронта освобождения Намибии. В Масамедише активно действовали диверсанты. От наших или кубинских советников мы регулярно получали информацию о возможных действиях боевых пловцов. Это были настоящие профессионалы, прошедшие не одну диверсионную войну. Поначалу забрасывали одиночек, затем диверсанты стали действовать группами. Встречаться с ними в реальном бою было нежелательно.

Однажды в качестве водолаза-инструктора меня привлекли к операции по задержанию такого диверсанта. Кроме меня, в

ней участвовали десять кубинцев. Они воспринимали меня как командира. Возможно поэтому я остался жив. Брали мы диверсанта, примерно, в двух километрах от порта в скалистых шхерах. Семь кубинцев, преследуя боевого пловца, погибли на умело установленных и хорошо замаскированных противником растяжках. Задержать диверсанта удалось спустя несколько часов погони и смертельной игры в прятки. Им оказался наемник- ирландец из подразделения специальной военной

разведки. Нам повезло, что он израсходовал весь свой боезапас. Я впервые так близко и неожиданно увидел смерть. Признаться, не был полностью к этому готов. Потом мне много лет каждую ночь снился этот эпизод боевой службы. Тогда я не мог понять, зачем нужно было брать наемника живым, для чего понадобились эти жертвы? Однако через несколько лет узнал причину. Оказывается, захваченных диверсантов меняли на пленных бойцов СВАПО. Причем 100-150 человек за одного лазутчика.

Это был единственный в моей практике захват реального диверсанта. Обычно, как только диверсант попадал в зону нашего действия, его старались уничтожить.

Если ручной гранатой не доставали, брали в руки гранатомет. В итоге за боевую службу израсходовали две тысячи гранат: все что были на борту корабля. Более того, когда второй раз пошли на дежурство в Масамедиш, дополнительно получили еще 500 гранат в оперативной бригаде ВМФ.

Иногда боевых пловцов высаживали с подводных лодок. Зная квадрат десантирования, мы ждали «гостей» в пределах досягаемости подводных буксируемых аппаратов. Однажды накрыли весь квадрат предполагаемого появления противника залпом РБУ. На международном уровне этот эпизод не озвучивался. Официально никакая подлодка в территориальные воды Анголы не заходила, и мы, конечно же, из РБУ по ней не работали. Ведь официально СССР в войне не участвовал. Хотя офицеры, солдаты и матросы зачастую с оружием в руках решали боевые задачи. Но доказать это непросто. У меня есть друзья среди ангольских морских офицеров. Летом прошлого года я через одного из них направил письмо президенту Анголы Душ Сантушу. Может, он как-то поможет восстановить справедливость. Недавно мне сообщили, что ответ придет в декабре, а на словах передали, что ангольцы приглашают меня посетить Луанду.

Комарад Александр

Контр-адмирал запаса Александр Николаевич Липский в Анголу попал в тот период, когда война там была признана официально. Однако участником боевых действий он не является. Причина банальна. Александр Николаевич являлся командиром инструкторского экипажа, а значит, должен был учить ангольских военных морскому делу. То, что учебной аудиторией для офицера на два года стало побережье пылающей в огне гражданской войны Анголы, оказалось не в счет. И тот факт, что экипаж Липского вместе с ангольскими моряками, а зачастую вместо них, выполнял боевые задачи по доставке в районы сражений техники и вооружения, эвакуации оттуда искореженных снарядами танков и БТР, также не является основанием для признания офицера участником боевых действий.

«Летом 1977 года был сформирован инструкторский экипаж среднего десантного корабля проекта 771 для отправки

в Анголу, – вспоминает Александр Николаевич. – Отбор был строгий. На наших характеристиках два листа занимали подписи различных начальников: от командира дивизиона до командующего Балтийским флотом. Надо сказать, что такой подход к подбору экипажа был оправдан. За время пребывания в Анголе у нас не произошло никаких эксцессов».

Корабль для ангольского флота был расконсервирован в Лиепеае и приведен в порядок. 25 сентября 1977 года под буксиром мы начали движение курсом на Луанду. Такой вариант перехода позволял сэкономить топливо и моторесурс корабля. Всю дорогу нас сопровождали сильные шторма. По Бискайскому заливу СДК шел со скоростью один узел. В итоге путь до Луанды растянулся на два месяца, а потому встреча с землей была особенно приятна. Большая бухта, солнечная погода, штиль, прямо у океанского побережья высотные дома, красивая набережная – такой нас встретила Луанда. Город выглядел островком относительного спокойствия на карте раздираемой войной Анголы. Экипажу дали неделю на отдых, а 9 декабря 1977 года мы торжественно передали корабль ангольскому флоту.

Перед поездкой нас ориентировали, что идем обучать ангольский экипаж использованию корабля по боевому назначению – СДК у стенки, а мы проводим с моряками занятия и тренировки. То, что придется выполнять боевые задачи, я, признаться, не предполагал.

Первый месяц мы занимались в гавани с ангольскими моряками. Уровень их подготовки был практически нулевой. Более или менее представление о службе на флоте имел командир корабля и механик. Процесс обучения, в основном, ограничивался простым правилом: делай, как я. Вначале общаться помогал единственный в миссии переводчик. Затем мы уже сами находили с ангольцами общий язык. Для этого офицерам ежедневно давали двухчасовые уроки португальского языка.

Через месяц занятий мне сообщили: в стране идет война и народному флоту Анголы нужно, чтобы корабль ходил в море и решал боевые задачи. Я доложил, что у нас инструкторский экипаж сокращенного состава – всего одна боевая смена. Ответ был лаконичен: надо. Нас переодели в кубинскую форму, офицерам и мичманам выдали личное оружие.

Началась настоящая боевая работа: походы в Кабинду, Маса-медиш, другие расположенные вдоль берега гавани. Наш корабль был единственным, кто способен доставлять по воде вооружение и военную технику – первый СДК Народного флота Анголы. В район активных боевых действий мы везли личный состав, танки Т-55, БТР, другую военную технику. Обратно в Луанду переправляли искореженные войной боевые машины.

Естественно, в ходе выполнения задач управляли кораблем и обслуживали механизмы советские моряки. Ангольцы находились рядом с «комарадами».

В районы боевых действий всегда заходили по тревоге, полностью приводили корабль в боевую готовность. Каждый понимал, что по нам в любой момент могут открыть стрельбу. Старший помощник командира ангольского экипажа постоянно слушал радио, где на частотах противника открытым текстом звучали угрозы потопить наш десантный корабль. Мы готовились к возможным атакам. Находящиеся на борту СДК две артиллерийские установки АК-230 и две реактивные установки ВМ-18 всегда были «на товсь».

Во время стоянки в Кабинде обязательно организовывали противодиверсионные мероприятия. Иногда, выполняя задачи по доставке оружия и военной техники, приходилось забираться в такие глухие места, вернуться из которых доводилось не всем. Порой даже на берег сходить не решались. Конечно, каждый понимал, в стране идет война. И если что, мы вместе с ангольским экипажем вступили бы в бой. Тем более к военным советникам и инструкторам противник относился безжалостно.

Что удивительно, ту реальную опасность, в которой находился корабль и его экипаж, я осознал гораздо позже. А тогда был молодой, казалось, все задачи по плечу, а беда может случиться с кем-то другим. Еще запомнилось дружеское, уважительное отношение ангольских моряков к советскому экипажу. Они видели в нас людей, которые могут их научить не только выживать на войне, но и успешно решать боевые задачи.

Через год настало время возвращаться в СССР. Мы находились в Кабинде. Время поджимало, и за экипажем прислали торпедный катер. Помню, я сильно переживал из-за того, что оставлял корабль и ангольский экипаж. Думал, дойдут ли ангольцы сами до Луанды. Когда на следующий день СДК без происшествий вернулся в столицу, стало ясно: свою задачу по подготовке ангольских моряков мы выполнили успешно. Впрочем, окончательное расставание с Анголой пришлось отложить на год.

В качестве инструктора мне предложили остаться еще на один срок, так как я уже был опытным командиром, знал театр действий, места высадки десанта. Экипаж дали новый, а задачи

остались прежние. Правда, на этот раз разрешили взять в Анголу семью.

В Луанду я привез жену, а годовалого сына оставил у ее матери. Нас поселили в хорошем доме на набережной залива, где жили семьи многих советских офицеров. Когда уходил в море, то оставлял супруге пистолет, с которым быстро научил ее обращаться. ПМ всегда лежал в прикроватной тумбочке. Мне была важнее жизнь близкого человека. Ведь я уходил на корабле с вооруженным экипажем, а жена оставалась в полном опасности городе фактически без защиты. Совсем недавно в соседнем доме при невыясненных обстоятельствах был убит наш офицер. Проезжавшие по улицам ангольской столицы машины советской миссии не раз попадали под обстрел. Обстановка была крайне напряженная.

Был в моей ангольской эпопее один эпизод, который запомнился на всю жизнь. Мы зашли в реку Заир. В устье находился поселок, куда было необходимо доставить военную технику. Проход был очень узкий – шириной около 40 метров. Причем канал во время отливов мелел настолько, что даже СДК не мог по нему пройти. Но оставаться на ночь там было нельзя. Вероятность нападения на корабль была слишком велика, а помощи ждать неоткуда. К тому же сидящий на брюхе СДК представлял для бойцов УНИТА легкую добычу.

Мы должны были спешно разгрузиться и до отлива успеть выйти в море. Прикинув со штурманом, выяснили, что запас времени у нас не превышает 10 минут. Когда, разгрузившись, шли обратно, я буквально физически ощущал, вот-вот сядем на мель. Матросы высыпали на палубу и смотрели, как из-под винтов корабля вырывались фонтаны грязи и ила. Наверно, выручил накопленный опыт. В какой-то момент я перевел двигателя на «стоп». Получилось так, что корабль, резко затормозив, буквально обтекая кормой мель, преодолел последнее препятствие. Если бы мы продолжили движение в прежнем режиме, то прочно бы сели на мель. А так удалось выйти из

водяного капкана на спасительную глубину, тем самым спасти свои жизни и жизни ангольских моряков.

*Командир СДК лейтенант Фернандо
и советник старший лейтенант А. Липский*

С тех пор прошло уже 35 лет, но контр-адмирал запаса Александр Липский так и не получил статуса участника войны в Анголе, несмотря на то что в далекой африканской стране офицер вместе со своими подчиненными решал боевые задачи в зоне вооруженного конфликта.

Александр Николаевич однажды по этому поводу обращался в Генеральный штаб. «Документального подтверждения того, что вы участвовали в боевых действиях, нет, – ответили в высоком ведомстве. – Вы были в Анголе в качестве инструктора».

Достоинные признания

Военные моряки, поделившиеся своими воспоминаниями о той необъявленной войне, их товарищи по экипажам до сих пор не признаны участниками боевых действий. На все запросы они получают удивительно схожие, по-бюрократически сухие ответы: вас на войну не посылали, и в боевых действиях вы не участвовали. Тем более, в нашей стране долгое время было официально признано, что война в Анголе велась с ноября 1975 года по ноябрь 1979 года. Только 2 февраля 2008 года Федеральным законом № 166-ФЗ были внесены поправки в Закон «О ветеранах», определившие период боевых действий в Анголе с ноября 1975 года по ноябрь 1992 года.

Безусловно, у части людей, побывавших в Анголе, удостоверения о льготах для участников боевых действий уже имелись, если они «попадали» в сроки прежнего, дореформенного Закона «О ветеранах» и смогли доказать свое участие в боевых действиях. Но именно доказать. А это непросто. Ведь официально считалось, что наши соотечественники в боевых действиях в Анголе не участвуют. В качестве доказательств участия в боевых действиях наши кадровые органы принимают специальные справки, выданные аппаратом Главного военного советника в Анголе, в отдельных случаях – посольством, с указанием времени, проведенного на передовой. Эти районы с конца 1983 года отдавались приказом ГВС. Доказательствами могут быть и служебные характеристики с конкретным указанием совершенных героических поступков. Свидетельством участия в боевых действиях (при определенных оговорках) может служить и факт награждения боевыми наградами, если в представлениях к ним указывался конкретный боевой эпизод (поступок).

Но по странной сложившейся практике артиллерийские обстрелы, бомбардировки авиацией, подрывы на минах, участие в противодиверсионных вахтах по охране и обороне наших гражданских судов в расчет не принимаются. Поэтому в отли-

Прибытие Министра обороны СССР Соколова на СДК

чие от Афганистана, где «участником боевых действий» становился каждый, кто пересекал «речку», то есть границу между СССР и Афганистаном, свое участие в военных действиях в Африке нужно еще доказать. Но как доказать, если часто никаких приказов от вышестоящих начальников не поступало? Попал в засаду, под артобстрел? А где письменный приказ?

Кроме того, парадокс еще и в том, что, например, в служебных характеристиках тех лет на военных специалистов, находившихся за рубежом, участие в боевых действиях отражать было не принято по соображениям безопасности. Это ведь не секретный документ. А ну как окажется в руках супостата? Вот и будет доказательство, что наши воюют в Африке.

Хочется верить, что выход из создавшейся тупиковой ситуации все же будет найден. И солдаты Отечества, честно выполнившие свой воинский долг вдали от родной земли, для которых воспоминания о горячем солнце Анголы отдаются болью потерь своих товарищей, по достоинству будут оценены государством.

Содержание

<i>Вступительное слово</i>	3
877 Пункт материально-технического обеспечения «Маяк»	5
30 Оперативная бригада Северного флота (войсковая часть 99705)	9
Командиры 30 оперативной бригады Северного флота	11
Корабельный состав 30 оперативной бригады Северного флота (проходящие корабли)	13
Охрана района рыбного промысла (Западная Сахара)	17
Основной корабельный состав 30 оперативной бригады	25

Воспоминания ветеранов анголы

<i>В. Литвинов. Этих дней не смолкнет слава!</i>	40
На дальних тревожных путях	58
<i>М. Сорин. Ангола. Первый заход</i>	68
Второй заход или многомесячье в анголе	71
Аппендицит	73
Не стрелять!	80
<i>А. Череватый. Рыболовный флот в анголе</i>	83
<i>С. Родионов. Последние походы «Сильного»</i>	87
<i>И. Бухалин. Ангола- штурманский взгляд</i>	94
Море смеялось! Мина	105
<i>Владимир Дашевский. Горячее солнце анголы</i>	109
Все стремились в десант	111
Небесный щит над масамедиш	115
Особую опасность представляли диверсанты	119
Экзамен для командира	121
Фронт под водой	124
Комарад александр	128
Достойные признания	134